

Дмитрий Дашко

A man in a trench coat and hat walking down a foggy city street, holding a submachine gun. The scene is atmospheric with a blue and grey color palette. In the background, there are buildings, a street lamp, and a vintage car. A person is lying on the ground in the lower left corner.

**ВРАГ
ВСЕГО
СУЩЕГО**

Гэбрил Сухарь

Дмитрий Дашко

Враг всего сущего

«автор»

2011

Дашко Д. Н.

Враг всего сущего / Д. Н. Дашко — «автор», 2011 — (Гэбрил Сухарь)

ISBN 978-5-17-072202-0

На первый взгляд — обычный город, похожий на викторианский Лондон... но не совсем. Ведь с людьми здесь соседствуют эльфы, гномы и орки. И представители Старшей крови, надо сказать, нарушают закон ничуть не реже, чем люди, — вот только обычные полицейские крайне редко раскрывают совершенные ими — или в их среде — преступления. Такая работа достается на долю обладающих магическими способностями частных детективов — людей, которые умудрились разобраться в странных законах, по которым живут столичные «нелюди». И, возможно, лучший из этих детективов — Гэбрил по прозвищу Сухарь. Он еле сводит концы с концами. От него мечтают избавиться все предводители городских шаяк — неважно, человеческих или нет. Ему не доверяют представители закона. Но одного у него не отнимет никто — Гэбрил никого и ничего не боится и отлично делает свое нелегкое дело!..

ISBN 978-5-17-072202-0

© Дашко Д. Н., 2011

© автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Дашко

Враг всего сущего

Глава 1

В которой меня слегка бьют, а затем я знакомлюсь с девушкой эльфом

Проклятие! Карлик Джо так внезапно выскочил у меня перед носом, что я едва успел притормозить. Будь он чуток поменьше, совсем бы его не заметил, раздавил, не глядя под ноги, и все дела. А уж сколько народу потом бы спасибо сказали – не счесть!

Джо увидел мое замешательство и мерзко ослабился. Его большой, как у лягушки, рот распахнулся, напоминая широкую двустворчатую дверь, опрокинутую набок, и я сразу понял, что зубы Карлик не чистил никогда. Воняло так, будто в пасти целую неделю лежаладохлаямышь.

– Привет, Сухарь. – Улыбочка Карлика не предвещала ничего хорошего.

И точно, как в воду глядел!

– Три дня тому назад Мясник просил тебя не совать нос в дело ювелира, – не то спросил, не то констатировал факт Джо.

Я вернул ухмылку, постаравшись сделать ее максимально нахальной. Типы вроде него другого обращения не понимают. Опыт имелся: сам, будучи подростком, провел в криминальной среде четыре года, пока не забрали в армию, поэтому знал, как нужно себя вести. Главное – не перегнуть палку.

– Передай Мяснику, что это его не касается. – Пусть вид у меня был просто залихватский, на самом деле я немного бравировал: при желании Мясник мог стереть в порошок любого.

Он – некоронованный король городской преступности. Никто и никогда не видел его собственными глазами, однако обе криминальных гильдии – воров и убийц – подчинялись приказам Мясника беспрекословно. Свои распоряжения обычно передавал через Карлика, только поэтому Джо до сих пор жив. Смельчаков, рискнувших поднять руку на доверенное лицо Мясника, обычно находили на дне реки, спеленатых по рукам и ногам, как младенцы.

Услышав ответ, Джо присвистнул:

– Как знаешь, Сухарь. – Карлик сделал плаксивую мину. – Не обижайся, ничего личного. Ты мне всегда нравился, только поэтому я смог уговорить Мясника дать тебе еще один шанс.

Я изобразил ухмылку гораздо нахальнее предыдущей – кажется, удалось превзойти самого себя, но безрезультатно, на Джо она не подействовала. Парень продолжил как ни в чем не бывало:

– Однако Мясник не любит, когда к его словам не прислушиваются. Он хочет, чтобы тебя немного проучили. Можем сломать тебе на выбор правую или левую ногу. Кстати, Мясник настаивал на двух сразу, но я уговорил его одну не трогать. Так что ты мой должник.

– Спасибо за заботу, Джо. Напомни при случае, чтобы угостил стаканчиком. Было приятно поболтать, но, извини, мне пора.

Я слегка подвинул Карлика плечом. Одного маленького движения хватило, чтобы он зашатался как ванька-встанька.

– Постой, Сухарь, не спеши, мы еще не договорили.

Я не придал значения угрожающим ноткам в тоне Джо и развернулся, а зря, надо было бежать сломя голову. Мог бы и догадаться, что Карлик не один, слишком нагло вел себя недомерок: не боялся, что пристукну без свидетелей. К несчастью, он не блефовал. Поскольку силе-

нок хватало разве чтобы отнять конфетку у ребенка, Джо взял с собой в подкрепление двух амбалов. Да-да, именно амбалов, другой эпитет подобрать сложно. Каждый из них два метра в высоту и, наверное, столько же в ширину. В какую щель они умудрились забиться при таких габаритах, осталось загадкой. Во всяком случае, до последнего момента я даже не подозревал об их существовании.

Мы стояли в узком и длинном коридорчике, в конце которого находился мой офис. Поздний вечер, поэтому все съемщики давно уже заперли свои конторы и разошлись по домам, лишь один Гэбрил Сухарь, то бишь я, как дурак, приперся сюда на ночь глядя, чтобы написать отчет для последнего клиента, как будто это нельзя было сделать завтра. Впрочем, я никак не рассчитывал на то, что в коридорчике ждет теплый, можно даже сказать, горячий прием. Невольно пришлось пожалеть, что из оружия при мне только кулаки и зубы. И тем и другим я владел неплохо, однако с двумя шкапами, что прихватил с собой Карлик, можно справиться, если только палить из пушки прямой наводкой и то, кто даст гарантии, что чугунное ядро не отскочит.

Один из амбалов положил мне свою... нет, не руку, лапу на плечо. Коленки подогнулись, я чуть было не присел. Возникло чувство, что на хребет с высоты трехэтажного дома сбросили мешок с песком килограммов пятьдесят весом.

– Босс не договорил, – пробасил амбал и немного поиграл мышцами.

Выглядел он довольно убедительно, мне до его стати далеко. Про второго вообще молчу. Не то что оба, мне и один из них не по зубам.

Первое правило частного сыщика гласит: если ситуация складывается не в твою пользу – бери ноги в руки. Вряд ли смогу им воспользоваться: подкараулившие парни – тертые калачи и удрать не позволят. Переходим ко второму правилу: если не можешь смыться в открытую, смело вешай противнику лапшу на уши и сматывай удочки, пока он не очухался.

– Ребята, – начал я, стараясь не выдавать волнения, – мне неприятности не нужны, вам, думаю, тоже. Давайте разойдемся подобра-поздорову. Уже поздно, пора баиньки, а вы со мной лясы точить собрались...

Договорить не успел. Амбал, который вцепился в мое плечо, поднял меня и запустил в воздух без малейшего напряжения, словно весил я не больше перышка. Полет продлился недолго, всего-то метров пять, затем я впечатался в дверной косяк и затих. Удар оказался такой силы, что дом заходил ходуном; даже удивился, почему привратник, который «забыл» предупредить о непрошенных гостях, до сих пор не вызвал полицию, у него ведь с потолка известка должна сыпаться. Впрочем, чего о нем беспокоиться, ему скорее всего дали на лапу, в худшем случае – запугали. Парни, которые пришли поквитаться, одинаково способны и на то, и на другое. Главное, в каком они настроении и с какой ноги встали утром.

Я приподнялся. Кажется, пока ничего не болит, но боль обычно приходит не сразу. Когда доберусь до постели, а я еще не оставил такой надежды, каждый квадратный сантиметр тела будет ныть, как ребенок в магазине игрушек.

– Мужики, в последний раз вам говорю, давайте разойдемся миром.

Интересно, достаточно ли убедительно прозвучал мой голос или амбалам он показался бляением беззащитной овечки?

Скорее всего последнее, ибо теперь за меня взялся второй громила. Бил он как-то нехотя, без души, видимо, просто отработывал деньги, но все равно после каждой плюхи моя голова болталась по сторонам, словно тряпичная.

Наконец уловив паузу в его размеренных движениях, я извернулся и пнул ногой, метя ему в область голени. Удар оказался чувствительным, на какой-то миг он ослабил хватку и выпустил меня из стальных тисков захвата.

Я, как учили в армии, провел серию коротких ударов по корпусу. Бесполезно, он был словно резиновый и кулаки отскакивали от него, как от мячика. А когда ему на помощь пришел

напарник, я понял, что моя песенка спета. Предполагалось, что мне просто сломают одну из ног, но ребята не на шутку увлеклись. Профессиональная скука сменилась живым задором, и амбалы буквально выхватывали меня друг у друга, так им не терпелось поскорее отбить мне все, что можно. Вялые попытки сопротивления лишь раззадорили их пыл. Они пыхтели надо мной, а я не успевал предпринять хоть что-нибудь в защиту. Да что там говорить, даже закрыться не мог: удары сыпались градом.

Карлик наслаждался картиной избиения и буквально лучился от удовольствия. Он не спешил остановить своих молодчиков, гнусно хихикал или отпуская в мой адрес сомнительные шуточки. Я бы с удовольствием поменялся с ним местами, но интуиция подсказывала, что такое развитие событий маловероятно.

Ребята знали дело и, метеля почем зря, поддерживали едва тлевшую искорку сознания. В общем, в обморок я не падал. Еще немного и ближайшие полгода предстоит провалиться, не вставая с больничной койки. Перспективы, прямо скажем, не радужные.

Спасение пришло неожиданно в виде высокой, очень худой девушки с длинными, прямыми волосами ниже плеч. Вам доводилось когда-нибудь видеть живой торнадо? Лично мне до этого момента ни разу. Девчонка сущим вихрем пронеслась по коридору. Я даже не понял, каким образом внезапно превратился из непосредственного участника в зрителя.

На фоне амбалов девчонка смотрелась котенком, рискнувшим потягаться с матерыми помойными кошками. Представьте себе двух пышущих здоровьем квадратных мужиков с пудовыми кулаками и тонкую, как тростинка, девушку с длинной цыплячьей шейкой, свернуть которую для этих грубиянов – пара пустяков. Представили? Как думаете – чья взяла? Спорю сто к одному, что вы бы поставили на амбалов! А теперь я расскажу, чем закончилось на самом деле.

Наверное, они решили, что им досталась легкая добыча. Один из них потянулся толстой ручищей к девушке с какими-то одному ему ведомыми намерениями, а она, вместо того чтобы отпрянуть, ухватила его лапу и с легким нажимом потянула. Дальше произошло неожиданное. Ноги здоровяка стали отрываться от пола, он потерял равновесие и попытался балансировать, девчонка этим воспользовалась. Последовала незаметная для глаз подсечка, и амбал полетел вперед. Грузная туша с гулом шлепнулась на отделанный мрамором пол. Должно быть, мальй сам не понял, какая сила заставила его пропахать по коридору носом, однако времени на то, чтобы предаваться размышлениям, уже не осталось. Девушка крепко приложила его по голове сумочкой, которую до сих пор не выпустила из рук. Судя по звуку, раздавшемуся в этот момент, миниатюрная дамская сумка, в каких представительницы прекрасного пола обычно держат косметику и прочие невинные женские безделушки, была доверху набита чугунными болванками.

Здоровяк практически сразу уронил голову на пол и больше не двигался. Думаю, мой рот открылся настолько широко, что в него спокойно могла бы залететь ворона.

Со вторым амбалом девчонка разделалась так же легко и непринужденно, как с предыдущим. Уцелевший (пока) здоровяк решил учесть ошибки напарника: не стал хватать противницу, а попытался нанести один короткий, но решающий удар. Напрасно – девчонка умудрилась поймать его руку еще в воздухе. Раздался шлепок, а сразу за ним последовал сильный хруст: девушка завела руку этого придурка за спину и, навалившись всем телом, сломала кость.

Когда успел смыться Карлик, осталось загадкой. Возможно, не стал дожидаться, когда доберутся и до него, и дал деру. Гаденьш нутром чуял опасность и успел вовремя слинять. Ладно, доберусь до него в другой раз.

– Bravo! – сказал я и несколько раз похлопал в ладоши.

Девчонка густо покраснела. Теперь я смог рассмотреть ее лучше. Высокая, ростом почти с меня, а во мне метр восемьдесят два; худощавая, но в нужных местах все как полагается – есть за что зацепиться взору; волосы светло-каштановые, длинные, перехваченные обручем;

глаза голубые с каким-то зеленоватым оттенком, какой бывает на море в солнечную погоду; кожа чистая и светлая; нос тонкий, я бы даже добавил, изящный; лицо приятное; на вид лет восемнадцать, может быть, чуток побольше. Пройдет года два, и моя спасительница будет красоткой что надо.

Одежда простая, но удобная: блузка кремового цвета с широкими рукавами, жилетка, коричневые брюки из кожи. На стройных ножках красовались сапоги-ботфорты с отворотами.

Поняв, что ее внимательно рассматривают, девчонка покраснела снова. Непритворное смущение было ей к лицу, однако я все же помнил, как несколько минут назад она лихо расправилась с двумя громилами, которые лежали на полу и уже не выказывали признаков жизни.

– Могу узнать, как зовут мою спасительницу?

Девчонка заулыбалась. И улыбка у нее приятная, ничего не скажешь.

– Лиринна! – Нежный голосок напомнил журчание ручейка, трель флейты или еще что-то такое из перечня штампованных образов той романтично-бредовой чепухи, которая обычно ужасно нравится женщинам.

– Лиринна?! – удивился я. – Странное имя. Во всяком случае, мне такого слышать не приходилось. Ты иностранка?

Вместо ответа девушка отодвинула прядь волос в сторону, и я разглядел аккуратные, чуть заостренные кверху ушки.

– Так ты эльфийка? – не то вопросительно, не то утвердительно произнес я.

Она кивнула. На мгновение я опешил. Эльфов у нас недолюбливают, все же последняя война с ними отгремела лет сто тому назад, память все еще жива в народе. Да и когда чужаков любили? Сами эльфы редко приезжают в столицу и обычно не покидают пределов Туземного Квартала. Одинокая девушка-эльфийка в пустом коридоре недалеко от моей конторы – это, знаете, наводит на размышления. Тут я вспомнил, что до сих пор не поблагодарил спасительницу.

– Лиринна, я вам многим обязан... – Что говорить дальше, я не знал – язык словно прилип к сухой гортани.

Не подумайте, что мне раньше не приходилось видеть эльфов. Наоборот, когда-то, в бытность армейской службы в составе элитного полка Диких Псов, мы действовали с ними рука об руку. У меня с тех пор сохранились кое-какие воспоминания, даже завелись знакомства. Просто я понял, что не могу подобрать нужные слова, чтобы объяснить этому созданию степень благодарности, к тому же впервые о целостности моей шкуры позаботилась столь юная девушка. Может, обойдусь простым «спасибо»?

– Почему вас зовут Сухарем? – поинтересовалась она.

Самым простым ответом было бы: «Не твоё дело», но разговаривать в таком тоне с девушкой, только что спасшей тебе жизнь, мягко говоря, невежливо.

– Не знаю, – соврал я.

На самом деле это прозвище дала мне жена. С ее слов выходило, что я сухой, бесчувственный человек, эгоист, лишенный эмоций, который думает только о себе – в общем, сущий сухарь. Спорить означало напрасную трату времени, мои аргументы на нее никогда не действовали. Для любого поступка она находила весьма оригинальную трактовку, и в результате я всегда ходил в виноватых. Если дарил цветы, это называлось подлизыванием, если не дарил – ругали за черствость. Банальная микроскопическая провинность принимала вселенские масштабы, и, вероятно, второго такого грешника еще стоило поискать.

Однажды мы с друзьями сидели в трактире. Уже не помню, то ли я не так сказал, то ли не туда посмотрел, но в итоге жена произнесла небольшую, но пламенную речь. С тех пор прозвище пристало ко мне, как приклеенное. Года три тому назад, а вернее два года пять месяцев и одиннадцать дней, она сбежала с бродячим комедиантом. Теперь я холостяк и даже не знаю,

хорошо это или плохо. Зато знаю другое: распространяться о перипетиях жизни и изливать душу человеку, которого вижу впервые, не буду.

Девушка посмотрела на меня с интересом. Думаю, поняла, что я не хочу говорить правду.

– Теперь встречный вопрос: откуда вы знаете о моем прозвище?

Лирина засмеялась:

– Привратник внизу сказал, когда я спросила, где могу найти офис частного сыщика Гэбрила. Он сперва не понял, а потом догадался: «А, так это вы, наверное, Сухаря ищите?»

Девушка удачно скопировала манеру разговора нашего привратника, и я невольно улыбнулся.

– Ну что, вы искали частного сыщика Гэбрила, он перед вами собственной персоной. Какое дело привело вас ко мне?

На мгновение я даже забыл о тех двух мордovorотах, которые распластались на холодном полу, и чуть было не расшаркался ножкой. Клиент есть клиент, иногда перед ним стоит подсуебиться.

– А мы можем поговорить у вас? – спросила девушка.

– Пожалуйста, – сказал я. – Моя контора в конце коридора.

– Знаю, – улыбнулась Лирина. – Я ведь там уже побывала. Пришлось просидеть в ней три часа, пока не услышала странные звуки в коридоре. Оказалось, это были вы и вас почему-то били.

Увидев невысказанный вопрос, она пояснила:

– Не подумайте ничего плохого: мне привратник разрешил посидеть в вашем офисе. Я попросила, и он открыл дверь.

Ничего себе. Надо будет провести небольшую воспитательную работу. Посторонним в кабинете частного сыщика делать нечего. Я мысленно взял этот вопрос на заметку и продолжил разговор, когда мы вошли в мои скромные апартаменты.

За комнатнуюшку размером чуть больше собачьей конуры владелец здания драл большие деньги, при этом каждые полгода регулярно повышал плату. Но приходилось терпеть, помещения дешевле в центральном районе столицы не найти.

Обстановка более чем скромная, всю мебель я приобрел по дешевке на распродажах: письменный стол в классическом стиле с кучей так нужных для сыщика выдвижных ящичков и секретеров, комплект обшарпанных стульев с мягкими спинками (один для меня, два для посетителей), этажерку, раскладушку, чугунную вешалку, канделябр с основанием в виде балерины, корзину для бумаг и цветастый ковер, который висел у меня за спиной.

Один старый приятель, с ним я познакомлю позже, сказал, что ковер в офисе позволит клиенту почувствовать себя более раскованно и уютно. Я прислушался к совету, сходил на рынок и купил самый недорогой. Увидев покупку, приятель пришел в неопиcуемый ужас. С его слов выходило, что те, кому доведется лицезреть этот ковер, разорят меня на одних сердечных каплях.

Лирина на сердце не жаловалась и на ковер посмотрела без особого интереса.

– Присаживайтесь. – Я указал ей на ближайший стул, а сам плюхнулся на его брата-близнеца.

Стул подо мной жалобно скрипнул. Одно из двух: надо худеть или искать ему замену.

– Чай, кофе, извините, предложить не могу, забыл купить.

– Ничего страшного, я недавно поужинала.

– Тогда слушаю внимательно.

Чтобы придать себе более важный вид, я вытащил блокнот в кожаном переплете из глубоких и до сих пор толком не исследованных недр письменного стола.

– А вы себя хорошо чувствуете? – поинтересовалась девушка. – Вам ведь крепко досталось.

- Пустяки, на мне все заживает как на собаке.
- А те двое, что остались в коридоре? Они так и останутся там лежать?
- Это не наша забота. Пусть болит голова у администрации здания, раз не смогли обеспечить безопасность клиентов. Давайте лучше поговорим, что привело вас сюда.
- Я пришла поговорить насчет работы.
- Я чуть было не свалился со стула.
- Э... простите, насчет чего?
- Насчет работы, – терпеливо повторила она. – Хочу попросить взять меня в компаньоны или сотрудницы, на ваш выбор.
- Я отложил блокнот в сторону, привстал и протянул ей руку.
- Был рад познакомиться. Прошу прощения, но вакансий у меня нет. Оставьте свои координаты, возможно, в будущем... в очень отдаленном будущем...
- Я не договорил. Лиринна положила на стол старый, но такой знакомый охотничий кинжал. Я перевел взгляд на него, затем внимательно посмотрел на девушку:
- Откуда он у вас?
- От моего отца. Вы ведь его хорошо знали и даже подарили этот кинжал в знак дружбы, сказав при этом, что обязаны моему отцу жизнью.
- Я невольно сглотнул.
- В общем-то да, был такой случай. Ваш отец действительно спас мне жизнь во время войны. Я был ему весьма признателен, даже оставил на память свой кинжал. Это случилось давно, с той поры утекло много воды. Тогда я был немногим старше вас.
- А вам не кажется, что это судьба? Сперва отец спас вам жизнь, теперь – я.
- Мне просто хотели сломать ногу, правда, не успели уточнить – правую или левую.
- Да? – с насмешкой протянула она. – А там, в коридоре, мне показалось, что из вас собирались выпустить дух. Разве не так?
- Я пожал плечами:
- Ребята увлеклись, не могу их винить. На их месте я скорее всего поступил бы так же.
- Девушка резонно заметила:
- Да, но они сейчас лежат в коридоре и не скоро придут в себя, а вы живой и здоровый разговариваете со мной в собственном кабинете и никак не хотите взять на работу, хотя уже дважды обязаны жизнью моей семье.
- Но зачем вам вообще нужна такая работа? Я – частный сыщик, едва свожу концы с концами. Вожусь со всякими мошенниками и убийцами, пару раз меня даже грозились убить. Не сплю по ночам, ем, когда получится, а не когда проголодаюсь. Иногда бьют меня, иногда бьют я. Клиенты жмотятся и не спешат расставаться с деньгами, даже если приношу на блюдечке ценную информацию. Взвесьте все, что было сказано, и подумайте: разве профессия частного сыщика к лицу столь молодой и очаровательной особе?
- Я была в пяти местах. Кто-то не брал меня, потому что я эльфийка; два ублюдка вообще сделали гнусные предложения, о чем горько пожалели. Тогда я вспомнила о старом боевом товарище отца и подумала, что уж он-то не откажет.
- Я сдался.
- Хорошо, Лиринна. Нанимаю вас на неопределенный срок исключительно ради памяти о вашем отце и нашей дружбы.
- Ура! – Радости эльфийки не было предела.
- Я поспешил охладить ее пыл:
- Но хочу предупредить, что платить пока нечем. Последнее дело, которое я завершил буквально сегодня, принесло больше расходов, чем доходов, а ничего нового пока не наклеивается.

Говоря о расходах, я немного слукавил. Ювелир Блум, который нанял меня для расследования ночных походов своего отпрыска, заплатит за все, в том числе и за недавние побои. Бедный отец даже не подозревает, что его сын связался с очень нехорошими людьми. К счастью, пока ситуация не вышла из-под контроля, и юнца еще можно вытащить из трясины.

Мои доводы все же не образумили девицу. Она настроилась стать частным сыщиком, и заставить ее свернуть с выбранного пути мне было не по силам. Проще поймать зубами пулю, чем переубедить упрямую эльфийку. От досады я даже перешел на «ты».

– Хорошо, беру тебя в младшие компаньоны. Будешь беспрекословно выполнять мои поручения, вести документацию и... убирать в кабинете.

Надеюсь, что с последним пунктом я не переборщил, однако она восприняла как должное.

– С чего начнем? – Лиринна была само внимание.

– С того, что пойдешь домой и выспишься. Завтра жду к девяти часам утра.

– Да, но...

– Что «но»?

– Мы живем в Туземном Квартале, а сейчас уже поздно и разводной мост поднят.

Ох, я ведь совершенно не принял во внимание, что ей, как эльфийке, скорее всего пришлось поселиться в Туземном Квартале, который располагался вне материковых пределов столицы – на острове. Предыдущий король принял разумное решение перенести постройки, принадлежавшие Другим, после того как по городу прокатились несколько погромов. Тогда разгоряченные дешевым пойлом люди, привыкшие во всех бедах винить чужаков, убивали и жгли дома тех, кто принадлежал к иным расам. Не щадили ни женщин, ни детей. Как только беспорядки были утихомирены, Туземный Квартал переехал на остров, теперь его отделял морской залив.

На часах за полночь, единственный разводной мост, соединяющий центральную часть города с этим кварталом, давно уже поднят. Девчонке просто некуда идти ночевать, а бродить по ночным улицам столицы – занятие небезопасное, даже при таких бойцовских талантах, как у Лиринны.

– Да, сегодня домой тебе уже не попасть. Что скажут родители?

– Ничего не скажут, – не слишком уверенно произнесла Лиринна. – Они знают, что я уже не маленькая и вполне способна постоять за себя.

– Ночевать все равно где-то надо, утром будет кое-какая работа. Значит так, – я принял решение, – ты спишь на раскладушке, а я устроюсь на столе.

– Да, но...

– Никаких «но». Ничего другого предложить не могу. Мой дом отсюда далеко, к тому же это настоящий свинарник, в котором я бываю редко, поэтому будем спать здесь, в офисе.

– Я же девушка! – Лицо Лиринны приняло густой свекольный оттенок. – И не могу вот так ночевать с мужчиной под одной крышей.

– Я не просто мужчина, а твой босс, поэтому выполняй мои распоряжения.

Затем добавил немного мягче:

– Не волнуйся, я не хочу попасть в тюрьму за связь с несовершеннолетними.

– Я уже совершеннолетняя, – обиделась девушка. – Мне... восемнадцать.

– Не важно. – Я отмахнулся и кинул ей на колени куртку. – Одежда нет, накроешься этим.

– Спасибо. – Лиринна, кажется, смирилась.

– Не за что, – сказал я и честно предупредил: – Я быстро засыпаю и сильно храплю.

– Вы еще не слышали, как храпит мой папа. Слышно даже на улице.

– Отлично, тогда тебе не привыкать. Тушу свет. Спокойной ночи.

На столе было жестковато, но мне приходилось спать и в более суровой обстановке. Немного поерзав, я наконец устроился поудобнее и смежил веки. Но только глаза стали слипаться, как в тишине раздался тихий девичий голосок:

- Гэбрил?
- Чего тебе?
- Вас часто бьют?
- Нет, не чаще трех раз в неделю. Спи.

Я редко вижу сны, порой возникает такое чувство, что только закрыл, а затем почти сразу открыл глаза, но на этот раз приснилось, что мы с женой, как в старые добрые времена, идем по улице, взявшись за руки, а люди смотрят на нас с восхищением и...

- Гэбрил...
- Что опять?
- Простите, пожалуйста, что вас разбудила. Вы не могли бы храпеть потише?
- Хм... А говорила, что привыкла! Хорошо, постараюсь.

Интересно, как я это сделаю? Можно, конечно, лечь на бок, но никакой уверенности, что во сне опять не перевернусь на спину, не было. Тем временем сон продолжился. Мы с женой идем по улице, заходим в цветочный магазин. На витрине стоит прекрасный букет, он само совершенство.

- Гэбрил...
- Ну что тебе еще надо?!
- Знаете, отец много о вас рассказывал. О том, как вы вместе служили, о том, как он прикрывал отход, когда за вами по пятам бежали солдаты неприятеля.

– Рад, что твой старик обладает хорошей памятью. Сам я с удовольствием бы забыл многие вещи из той войны. Утром мы еще обсудим эту тему, а пока спи.

Девушка смутилась.

- Еще раз простите меня, Гэбрил, но я никак не могу заснуть.
- Почему? – В отличие от девчонки я засыпал в любой обстановке. Эта полезная привычка выработалась во время службы в армии. Там приходилось спать и стоя, и сидя на лошади. Был среди нас один парень, так он вообще умудрялся дремать прямо на ходу в солдатском строе. Кажется, его потом убили.

– Мне неудобно, – пожаловалась Лиринна. – Здесь нет ни отца, ни матери, даже братишек и сестер и тех нет. Я так не привыкла.

Я вздохнул.

- Хорошо, есть один способ. Давай немного поговорим. Ты успокоишься, расслабишься.

Лиринна с готовностью присела на раскладушке. С письменного стола удалось рассмотреть ее ладную фигурку в деталях. Есть в эльфийках особая грация. Словами не описать.

- Кто начнет? – спросила девушка.
- Давай я – на правах старшего.
- Хорошо, – откликнулась девушка. – Я готова.
- Почему твоя семья переехала в Туземный Квартал? Эльфы не любят покидать свои земли, а вы перебрались в столицу. Что заставило так поступить?

– Да, ты прав, эльфы не любят оставлять свои земли без особой причины. – Она внезапно испугалась и ойкнула: – Ой, ничего, что я на «ты» перешла?

- Валяй! – разрешил я. – Не такой уж я и древний, мне всего тридцать два года.
- Спасибо, я тогда продолжу. В нашем случае причиной переезда стал последний Гон у илонов, – печально произнесла Лиринна.

Да, илоны достойны отдельного упоминания. Никто не знает, откуда взялись эти мирные и доброжелательные существа с потешной внешностью: лопоухие, маленького роста, с непропорционально короткими ножками. Глаза размером с маленькое блюдце, бровей нет, нос с

широко расставленными ноздрями. Они поселились в сельской местности и занялись разведением особой тонкорунной породы овец. Шерсть этих животных привела всех модников и модниц в настоящее исступление. Наряды, пошитые из нее, стоят баснословных денег. Люди неоднократно пытались купить хотя бы несколько овец на племя, но безрезультатно. Илоны с удовольствием продавали шерсть, не выдавая секретов.

Так получилось, что поселились они недалеко от территориальных владений эльфов. Все три главных эльфийских клана – Деревья Весны, Лета и Осени – поначалу ничего не имели против такого соседства: илоны не посягали на их земли и вели себя мирно, тем более что в непосредственной близости находился лишь самый слабый клан – Дерево Зимы. Давным-давно он был захвачен и поработан орками. Во время войны людей и орков, закончившейся поголовным истреблением последних, эльфы из Дерева Зимы стали нашими союзниками, но многолетнее рабство проредило их ряды, и по численности, а значит, влиянию они стали уступать другим Деревьям.

До поры до времени все действительно было тихо и спокойно. Илоны разводили своих овец, стригли их и продавали шерсть людям. Все оставались довольны друг другом. Но вдруг из долины, в которой жили илоны, стали приходиться леденящие душу сведения. Целый народ словно обезумел. Илоны устроили дикую резню: перебили купцов, которые приезжали за шерстью, потом напали на маленькое эльфийское поселение и стерли его с лица земли. Поднятые по тревоге королевские войска и эльфийские отряды окружили безумцев, однако нашли их мертвецки спящими. Утром эти существа ничего не помнили и только улыбались, отказываясь верить в совершенные накануне злодеяния.

И люди, и эльфы оказались в тупике. Кто-то предложил истребить всех илонов, но при виде их грустных и таких добродушных мордочек руки просто опускались. Было жалко предавать смерти беззащитных в обычное время существ. Тогда решили оставить все как есть, разве что эльфы создали особые отряды, получившие название Тополиный Пух. Их целью была защита населения в случае повторных вспышек безумия среди илонов.

Лет десять прошло тихо и спокойно, а затем в столице вновь появились гонцы с тревожными вестями. Отряды Тополиного Пуха с трудом удерживали Освирепевших илонов. И вновь спустя короткое время целый народ постигла полная амнезия. Вспышка безумия, прозванная Гоном, сменилась мирным периодом.

Так эльфы и жили: то торговали с илонами, то отражали их атаки. Оставить свои земли остроухие не могли, для большинства покинуть то, что принадлежало еще давним предкам, было равносильно предательству. Эльфы в отличие от нас, людей, всегда придерживались древних традиций, поэтому скрипели зубами, считали убитых и раненых, но не снимались с места. Больше всего, конечно, страдало Дерево Зимы. Они первыми вступали в схватку во время Гона и несли потери.

Насколько я помню, отец Лиринны был выходцем из этого клана. Все сходится, в последний раз илоны буйствовали месяц назад. Это как же надо допечь мужика, чтобы он плюнул на обычаи своего народа и перебрался со всей семьей в Туземный Квартал?

Лиринна продолжила:

– Одно дело – слышать о Гоне из чужих уст, и совсем другое – видеть его своими глазами. Илонов было много, очень много: говорили, что не меньше тысячи. Нашу деревню охраняли всего двадцать воинов Тополиного Пуха, тогда мой отец, как староста, призвал к оружию всех, кто способен держать его в руках, даже женщин и детей. Мы сражались до заката и боялись, что не сможем выстоять: на смену погибшему илону приходили десять. Когда все закончилось, мы узнали, что половина наших полегла. Погибли два моих старших брата. Тогда отец собрал совет и предложил всем уйти с этой земли. Его даже не стали слушать, слишком священны древние традиции, и никто не осмелился их нарушить. Отец спорил до хрипоты, но потом

сдался. Он посадил нас и погрузил все имущество на повозки и привез в столицу. Теперь мы живем здесь.

– Печальная история. Соболезную о гибели твоих братьев, Лиринна.

В глазах эльфийки блеснули слезы. Я поспешно переменяю тему:

– А чем сейчас занимается отец?

– Ему удалось неплохо устроиться: учит солдат гарнизона стрелять из лука. Платят мало, но регулярно.

– Понятно. Молодец мужик, нигде не пропадет.

Я вспомнил, как Лиринна справилась с двумя амбалами.

– Слушай, скажи, как тебе удалось разобраться с теми шкафами в коридоре? Телосложение у тебя отнюдь не богатырское, но скрутила ты их мастерски. Мне так в жизни не суметь.

В ответ раздалось хихиканье.

– Вы, люди, слишком мало знаете о нас, эльфах. Вспомни историю, Гэбрил. Когда Дерево Зимы оказалось под орками, нам запретили иметь оружие: орки слишком боялись наших метких лучников. Тогда мы научились сражаться голыми руками. Эльфы из Дерева Зимы разработали искусство единоборства и назвали его «клест». Опытный боец способен выстоять в схватке с несколькими противниками, каждый из которых превосходит его по физической силе, потому что наши предки научились обращать силу врага против него самого. Отец – один из лучших мастеров клеста и свои знания передал нам, его детям.

Честно говоря, до последнего момента думал, что клест не более чем досужие слухи. Так, поговаривали что-то... К тому же эльфы неохотно делились своими умениями. То, что отец Лиринны стал обучать наших солдат стрельбе из лука, скорее исключение. Я даже загорелся, представив себе, какую пользу мог бы извлечь из занятий эльфийским рукопашным боем.

– Лиринна, а ты можешь меня научить вашему клесту?

– Что ты, – засмеялась девушка, – надо родиться эльфом, чтобы овладеть клестом в совершенстве. Иначе занятия будут бесполезны, и ты никогда не станешь настоящим мастером.

Я немного обиделся:

– Лиринна, я не хочу быть настоящим мастером. – Я намеренно сделал акцент на слове «настоящим». – Просто покажи парочку приемчиков попроще.

– Хорошо, – согласилась девушка и уточнила: – Прямо сейчас?

– Почему бы и нет, – откликнулся я. – Спать уже перехотелось. Давай попробуем, может, из меня толк будет?

Я зажег свечи в канделябре и увидел, как в языках пламени заплясала тонкая фигура Лиринны.

– Покажу тебе самый простой прием, – сказала эльфийка. – Он требует немного ловкости, думаю, у тебя получится.

Девушка встала напротив. Наши глаза оказались на одном уровне, и на какое-то мгновение показалось, что она слегка смутилась. Внезапно Лиринна выпалила:

– Ударь меня по лицу!

– Что?! – непонимающе вскинулся я.

– Ударь меня кулаком по лицу. Просто представь, что перед тобой враг и двинь от всей души. Не бойся.

– Как скажешь, – сказал я и, размахнувшись, постарался несильно стукнуть Лиринну кулаком, готовясь в любой момент отдернуть руку назад, чтобы не причинить ей боли.

Мог бы и не стараться: она поймала меня за запястье, резко рванула и тут же выкрутила руку. Я дико взвыл и сразу понял, что ничего не могу поделать. Хватка у Лиринны оказалась железной. Пальцы правой кисти прочно легли на мое запястье, левая кисть чувствительно надавила в месте плечевого сустава. Эльфийка заставила меня сперва присесть на колени, а потом вообще уложила лицом на пол.

Когда я поднялся, то всем видом напоминал взъерошенного петуха, которому курицы только что задали хорошую трепку, причем прямо на глазах у хозяйки курятника.

– Слушай, как это у тебя получилось? Давай еще раз попробуем, а?

– Давай! – Лиринна тяжело дышала, но выглядела довольной, как кошка, объевшаяся сливок.

Еще один удар, и я снова ткнулся носом в пыльный пол.

– Кажется, у тебя тут редко убирают, – заметила Лиринна, когда я вновь встал напротив нее с перепачканной физиономией.

– Не забывай, теперь влажная уборка станет твоей обязанностью, – сказал и вновь полетел вниз.

– Вот только не надо использовать меня в качестве половой тряпки. – При виде моих плевков Лиринна едва сдержала смех.

Через час я уже довольно сносно изучил этот приемчик, через два владел им не хуже Лиринны.

Заснули мы почти на рассвете. Больше жалоб на храп не возникало: эльфийка так устала, что на мои рулады ей было просто наплевать.

Глава 2

В которой у нас появляется новый клиент

Удивительно, но, несмотря на усталость, мне все же при снился сон, в котором я вернулся на много лет назад, в тот день, когда познакомился с отцом Лиринны.

...Под ногами противно хлюпало, воздух был настолько влажным, что я боялся захлебнуться. Здесь водилось громадное количество живности, которая кишмя кишела вокруг, норовя забраться под одежду, забиться в рот или нос, запутаться в волосах. Почти все твари были опасны – только если укусы одних отправляли на тот свет сразу, без лишних мучений, то ядовитые железы других заставляли лезть на стенку с воем от нестерпимой боли. Мы отчаянно ругались, но терпели, выбора у нас не было. Никто не интересовался нашим мнением, не спрашивал, где бы хотелось служить. Дезертирство каралось смертью. Вот что вбивали в наши головы с того момента, как мы здесь оказались.

Лаоджа... Маленькая нищая страна, в которой нет ничего, кроме гнусных насекомых, смертоносных пресмыкающихся, ужасного климата и пропитанных ненавистью дикарей.

Я по-настоящему ненавидел проклятые джунгли, успел натерпеться за шесть месяцев службы в этом аду. Тренировки, марш-броски, ночевки по колено в болоте... все бы ничего, но командование, видимо, решило добить наш взвод, прислав напарников – эльфов.

Эльфы не жаловались на условия службы, они вообще никогда ни на что не жаловались, гордость так и пронизывала их существо. Эти парни любили задирать нос, и кое-кому из нас их привычки и манеры были не по душе. Но, несмотря на заносчивость эльфов, я стал ими восхищаться: кто еще может так легко, словно пушинка, пробежать по болотным кочкам, неслышно подкрасться к дикой кошке, попасть в мишень с двухсот метров в кромешной тьме. Никто из людей на это был просто неспособен.

В напарники мне достался молчаливый, уже немолодой эльф, мы поладили довольно быстро, так как я тоже не любил много болтать. Над нами пошучивали: «Сошлись два одиночества», и были по-своему правы. Эльф страдал оттого, что был оторван от своей семьи – остальные в отряде оказались закоренелыми холостяками, – а я привык держать мысли при себе и слыл молчуном. Наверное, потому нас и потянуло друг к другу словно магнитом. Иногда случались такие моменты, когда мы сидели и смотрели, как солнце садится в джунгли. По болоту растекаются золотые дорожки, все на миг замирает.

Напарник как-то сказал:

– Знаешь, друг, когда солнце заходит – это не просто красиво, но и опасно: благодаря волшебной силе солнца врата в другие миры надежно закрыты, но стоит солнцу зайти за горизонт, и я уже не уверен, сможем ли мы дожить до утра.

Потом, тряхнув головой, продолжил, да таким зловещим тоном, что мурашки по спине поползли.

– Не нравится мне это место, слишком древнее, слишком злое, – задумчиво произнес эльф, глядя на наш лагерь, раскинувшийся на развалинах какого-то древнего поселения, стертого с лица земли сотни лет назад.

Тогда я пропустил его слова мимо ушей, они показались обычным солдатским трепом, когда, чтобы скоротать время, сочиняются различные байки и небылицы, в которые не верят ни рассказчики, ни уж тем более их слушатели. Сейчас же, стоя на краю обрыва, вглядывался во тьму и сожалел, что не спросил напарника, что он имел в виду. Я дрожал, и было от чего: во-первых, пришлось убежать из лагеря практически в чем мать родила, во-вторых, страх заморозил кровь и сковал движения.

Я сглотнул, вспоминая, как внезапно многие из друзей переменялись: лица исказились, в глазах черные провалы, как будто смотришь в бездну. Похватав оружие, они кинулись на эльфов и тех людей, кто не поддастся наваждению. Эта безумная атака была внезапной, многие не поняли ничего, лишь единицы начали защищаться, а еще меньше успели осознать бесполезность сопротивления и скрылись в джунглях.

Я бежал не разбирая дороги, лишь бы оказаться подальше от крошечного ада, очнулся лишь на краю обрыва и понял: все, дальше бежать некуда. По пятам шла погоня, трещали сложенные ветки, шелестела трава под коваными башмаками преследователей. Встревоженные птицы покидали насиженные места и взмывали высоко в небо. Те, кто искал меня, были совсем рядом, буквально в нескольких шагах, какая-то неведомая сила гнала их по следу, и они безошибочно определяли мое местонахождение.

Я спрятался под кустом, из оружия только кинжал, все остальное пришлось оставить, чтобы не затруднять бегства. Вряд ли меня можно было назвать трусом, я мог остаться там и умереть, как многие друзья по взводу, но кому бы пригодилась глупая, пусть, возможно, и героическая смерть? А погоня тем временем неумолимо приближалась, оставались считанные секунды до того, как они окажутся у обрыва и поймут, что жертва где-то здесь, поблизости.

Тяжело дыша, я лихорадочно думал: что в них вселилось, что?! Но времени на размышления уже не осталось. Послышался топот, бежало несколько человек... человек ли?

Сердце бешено колотилось. Упершись ногами в рыхлую землю, я приготовился напасть первым: отступить было некуда, сзади пропасть. Сорваться в нее – верная смерть, костей потом не соберешь.

Противники появились из-за густых зарослей кустарника, громко дыша и меня болотную жижу. Под ногами противно чавкала земля, на ботинки налип толстый слой глины толщиной с два пальца, но их это не смущало – они искали меня. Все знакомые ребята, вот только лица чужие и взгляд заставлял замереть на месте.

Я выбрал подходящий момент и прыгнул, атака была внезапной, хотя они явно чувствовали, что цель где-то рядом. Пока везло. Убрав первого ударом в живот, я рубанул второго по шее, брызнула кровь, и тут везение закончилось. На меня навалились двое, падая, я увидел, что из темноты выбежало еще с десятков бывших товарищей. Понимая, что это конец, я взвыл, и отчаяние придало сил. На какой-то миг у меня словно выросли крылья за спиной, и, раскидав двух ближайших противников, я все еще с кинжалом в руке шагнул к пропасти.

Эльф появился внезапно, будто вырос из-под земли, с натянутым луком в руках, тут же пара стрел нашла свои цели в наступающих на нас зомби. Ему хватило короткого замешательства среди врагов, чтобы пробиться. Напарник схватил меня за талию и, крикнув: «Держись крепче, друг!» – прыгнул в пропасть. В ушах засвистело, сердце забило в истерике, разум отказывался верить в происходящее. Я падал, вцепившись в эльфа, земля неумолимо приближалась.

«Вот теперь точно конец», – подумал я и зажмурился. Падение показалось бесконечным, словно мы зависли и парили над землей, как птицы в восходящих потоках воздуха. Затем последовал резкий удар, потом рывок – я с обрывком эльфийской куртки приземлился на пятую точку. Наверное, с меня можно было писать картину «Удивление», потому что, взглянув в мою сторону, эльф зашелся в истеричном смехе. Это привело меня в чувство. Мне раньше не приходилось видеть, чтобы эльф, так ярко выражал эмоции, да еще и в присутствии человека. Смех оказался столь заразителен, что я поддался соблазну и, повалившись на бок, смеялся вместе с эльфом до хрипоты.

Потом мы поднялись с земли, отряхнулись. Я взял эльфа за руку, крепко пожал ее и вложил в нее свой кинжал, со словами:

– Я твой должник, друг.

Утром я был хмурым и помятым. Лиринна убежала в дамскую комнату приводить себя в порядок, мне же пришлось на больную голову писать отчет для ювелира. Разумеется, он получился не таким подробным, как планировалось, но все же основные детали я отразил.

В дверь постучали. Стук отозвался в голове пушечной канонадой. Я потер виски и спросил:

– Кто там?

– Это я, Лиринна, – отозвалась напарница.

– Могла бы и не стучать. Ничем интимнее составления отчета я не занимаюсь, – буркнул я. – И вообще, постарайся не шуметь, у меня голова раскалывается.

Лиринна тихо проскользнула в комнату. В отличие от меня выглядела она свежей как огурчик.

– Что мне делать, шеф?

Я посмотрел на часы – восемь утра, ювелир обещал прийти не раньше десяти.

– Одевайся, Лиринна. Пойдем завтракать.

– А куда? – живо заинтересовалась она.

– В одно приличное место. Не ресторан, конечно, но кормят там вкусно, а главное – дешево.

Я взял с вешалки шляпу, на всякий случай перекинул через руку плащ и вышел с Лиринной в коридор, не забыв при этом захлопнуть дверь.

Почти сразу же нам навстречу попался сосед – адвокат Марсен, сорокалетний лысеющий толстяк с задатками дамского угодника. Представляю, что он подумал, когда увидел, как я вышел в компании цветущей и благоухающей девицы, при этом вряд ли от него укрылись моя усталость и общая потрепанность. Но, как воспитанный человек, Марсен и виду не подал, лишь учтиво поздоровался с дамой и только потом со мной.

– Гэбрил, дружище, слышал последние новости?

– Какие новости? – спросил я, заранее догадываясь, что услышу.

– Утром в коридоре обнаружили двух весьма подозрительных типов, которые всю ночь провалялись без сознания. Кто-то их хорошенько отделал, хотя каждый по крайней мере на голову выше тебя и меня. Думаю, чтобы свалить таких бугаев, понадобилось бы человек десять, не меньше.

Мы с Лиринной переглянулись и неожиданно для самих себя фыркнули.

– Над чем смеетесь, ребята? – удивился адвокат. – Пораскиньте мозгами: это что же такое в нашем здании теперь творится? Я начинаю переживать за свою безопасность, думаю переговорить с хозяином по поводу уменьшения арендной платы.

– Если что-нибудь выгорит, дай знать, – попросил я. – С удовольствием бы поболтал с тобой еще, но извини, некогда. Кстати, это моя новая сотрудница и компаньонка, ее зовут Лиринна, – представил я девушку адвокату.

– О, мисс Лиринна, – расшаркался Марсен, – очень рад нашему знакомству. Меня зовут Марсен, я адвокат. Если ваш босс сделает что-нибудь неподобающее, приходите ко мне, я помогу вам составить судебный иск и засадить этого прощелыгу до конца его дней.

– Спасибо, – рассмеялась Лиринна. – Как только у меня возникнет потребность в услугах адвоката, я обязательно вспомню о вашем предложении.

– Но-но, Марсен, не зарывайся, – сказал я с шутливой угрозой. – Не успел я нанять себе новую сотрудницу, как ты уже хочешь настроить ее против меня. Лучше признайся, старый развратник, что тебе загорелось переманить Лиринну к себе? Я прав? Предупреждаю заранее – тебе ничего не светит, она связана со мной по рукам и ногам контрактом.

– Что ты, Гэбрил? – усмехнулся адвокат. – Я просто хотел узнать у дамы: нет ли у нее подружки, которая была хотя бы наполовину столь же очаровательна и прекрасна? Мне как раз срочно потребовалась секретарша.

– Я в столице совсем недавно и не успела еще ни с кем познакомиться, кроме моего шефа и вас, – совершенно серьезно ответила моя сотрудница.

– Очень жаль, – склонил голову адвокат.

– Ну все, Марсен, – прервал я, – не обижайся, нам действительно некогда.

– Не смею вас задерживать. Пока, Гэбрил, до свидания, мисс Лиринна. Приходите на чашечку кофе.

– До свидания, господин Марсен, – прощбетала Лиринна.

Мы стали спускаться вниз по лестнице, шагая по ступенькам, покрытым ковровой дорожкой бордового цвета.

– А он ничего, приятный из себя человек, только волос на голове маловато, – заметила Лиринна, когда мы уже спустились на этаж ниже.

– Марсен? Ну да, отличный мужик, – подтвердил я. – Он мне несколько раз хорошо помог, к тому же иногда подкидывает кое-какие дельца: клиентов приводит, расследования поручает.

Внизу у парадного выхода за большим столом сидел привратник, не тот, что был вчера. Я кивнул ему и поинтересовался:

– Слушай, а где твой напарник – тот, который дежурил ночью?

– Дома спит, наверное, – ответил привратник.

– А когда ты его сменял, как он выглядел?

– Да нормально выглядел, как обычно. Правда, все песню под нос мурлыкал, видать, в хорошем настроении был.

– Понятно... – протянул я.

Значит, парню вчера заплатили за молчание. Хорошо, попадетсЯ он на глаза, я его быстро научу уму-разуму.

Мы вышли на улицу. Дождь, который шел полночи, недавно закончился. На дороге было полно луж, и редкие прохожие прыгали через них, как горные козы.

Идти было недалеко. Бар «Сухая ветка» располагался в квартале от здания, в котором я снимал офис. Перед баром была площадка, неравномерно вымощенная булыжником. Рядом, на газончике, росли несколько раскидистых деревьев и давно не стриженные кусты. На площадке стоял кэб. Лошадка, запряженная в него, деловито пощипывала листья с ближайшего куста и даже ухом не повела, когда мы прошли мимо.

Внутри все было как обычно. Бармен за стойкой протирал стаканы полотенцем, перекинутым через плечо. Двое посетителей о чем-то негромко болтали за дальним столиком в крайнем правом углу. В другом углу молодая парочка, по виду банковские клерки, договаривалась о следующем свидании.

– Привет, Сухарь. – Бармен оторвал взгляд от сверкавших стаканов и наконец-то увидел меня, стоявшего вместе с Лиринной прямо на проходе.

– Привет, Лу, – отозвался я. – Куда нам сесть?

– Садись куда хочешь, – ответил Лу. – Пока посетителей мало и места полно. Я позову Тину, она вас обслужит.

Мы выбрали столик у окна. Почти сразу же к нам подошла Тина – здешняя официантка, довольно приятная девушка лет двадцати пяти. Одно время, когда от меня сбежала жена, Тина делала недвусмысленные намеки, но я дал понять, что хочу некоторое время побыть в одиночестве.

Официантка посмотрела на Лиринну с некоторой подозрительностью, в ее взгляде читалась неприкрытая ревность и в то же время интерес к той, кого она приняла за конкурентку.

– Вот меню. Выбирайте. Я подойду позже, когда будете делать заказ. – Тина положила нам на стол толстую папку в бархатной обложке и ушла, виляя бедрами.

Мой взгляд поневоле задержался на ее спине. Лиринна хмыкнула.

– Что будем заказывать, шеф?

Я открыл меню, полистал несколько страниц.

– Пожалуй, я остановлю выбор на беконе с яичницей, а в конце выпью чашечку кофе с гренками. А ты, Лиринна?

Девушка задумалась. На мгновение ее брови превратились в вопросительный знак.

– Какой-нибудь легкий салат был бы в самый раз. И кофе, наверное, тоже.

Я жестом подозвал Тину. Официантка слушала меня, не перебивая, и делала карандашом пометки в маленьком отрывном блокноте.

Ждать пришлось недолго. Через пару минут аппетитно пахнувшая тарелка, в которой шкворчали нежный бекон и хорошо прожаренная яичница, уже стояла передо мной. Я принялся за еду с видимым удовольствием. Пример оказался заразительным: Лиринна с наслаждением захрустела сухими листьями и травой, которые ей подали под видом салата.

Хлопнула дверь. Почти сразу девушка перестала жевать и тихо сказала:

– Там, за твоей спиной, бармен делает какие-то знаки.

Я обернулся. Действительно, Лу бешено вращал глазами и косил ими куда-то в сторону. Я проследил его взгляд и сразу понял, почему он сигналил. На круглом стульчике у барной стойки расселся мой давний недруг – Морс, бывший сослуживец и подчиненный, а ныне лейтенант полиции, руководивший полицейским участком, в чьем ведении была территория, на которой располагались и моя контора, и бар Лу.

– Приготовься, Лиринна, – сказал я. – Сейчас у нас будут неприятности.

Вряд ли Морс зашел сюда ради того, чтобы просто пропустить стаканчик. Что-то подсказывало: главной причиной его появления в баре был я.

Через пару минут Морс оторвал рыхлый зад от круглого стульчика и направился прямо к нашему столу. Не дожидаясь приглашения, он присел и положил на столешницу руки с переплетенными пальцами.

– Привет, Сухарь.

– Привет, – ответил я. – Не скажу, что рад тебя видеть, но раз уж подсел без спросу, то выкладывай побыстрее, пока у нас не испортился аппетит.

– У меня есть для тебя две новости, – сказал Морс. – Плохая и очень плохая. С какой начать?

– Дай-ка подумаю. – Я устремил взор вверх, будто на потолке было написано что-то, представляющее огромный интерес. – Начни с плохой.

– Плохая новость заключается в том, что твое прошение о выдаче разрешения на ношение огнестрельного оружия пришло ко мне. Как думаешь, что я с ним сделал?

Ответ напрашивался только один, но, поскольку среди нас была дама, я благоразумно промолчал, лишь выдавил из себя:

– Понял, Морс. Переходи к следующей новости.

Лейтенант ехидно усмехнулся:

– Сегодня недалеко от двери твоего кабинета нашли двух избитых молодчиков. Не составило особого труда сообразить, чьих это рук дело. Придурки, конечно, напросились сами, но за то, что ты не сообщил о них в полицию, я смело могу лишить тебя лицензии. – В его устах обещание оставить меня без лицензии частного сыщика не звучало пустой угрозой.

Я откинулся на спинку стула.

– Слушай, Морс, скажи мне, что говорят эти парни о том, кто их отметелил?

Морс поскущел.

– Они долго молчали и ничего не говорили, но, после того как над ними поработали мои ребята, языки у них чуток развязались. Пока эти двое темнят, плетут байки, что их отлупила какая-то девчонка, но я так понимаю, что они просто издеваются. Через часик лично их допрошу с пристрастием, и будь уверен – парни выложат всю свою родословную.

Я резюмировал:

– Другими словами, Морс, у тебя ничего на меня нет.

– Пока нет, Сухарь, пока... – ухмыльнулся лейтенант.

Он встал, с грохотом отставил стул и пошел к выходу. Не дойдя пару шагов, обернулся и вдруг спросил:

– Совсем забыл, Сухарь. Что за баба с тобой? Я в первый раз ее вижу.

– Это не баба, это моя новая сотрудница и зовут ее Лиринна.

– Лиринна? – переспросил Морс. – Странное имя, уж не остроухая ли?

Для эльфов слово «остроухий» является страшным оскорблением, и Лиринна сильно поблелела.

– Сиди, девочка, – сказал я и подошел к полицейскому. – Морс, ты сейчас при исполнении?

Полицейский посмотрел на часы, висевшие на стене.

– Нет еще, но через час буду.

– Тогда слушай меня внимательно. Во-первых, Морс, Лиринна не остроухая, она эльфийка. Во-вторых, извинись перед ней как настоящий мужчина, и тогда тебе ничего не будет.

– Что ты сказал, Сухарь?! – Морс поразился до глубины души. – Чтобы я извинялся перед какой-то остроухой бабой? В своем ли ты уме?

Я двинул ему от всего сердца, вложил в хук правой всю накопившуюся злость. Голова Морса дернулась. Он качнулся, но устоял. Лейтенант вытер тыльной стороной ладони кровь с разбитой губы и прошипел:

– Ах, вот ты как! Берегись, Сухарь!

Наверное, он думал убить меня на месте. Его рука просвистела в воздухе как пушечное ядро. Тело среагировало само по себе, видимо, сказала недавняя тренировка. Захват, рывок, и Морс распластался на полу, заставив влюбленную парочку с визгом вскочить со своих мест. Я сам не ожидал, что все пройдет как по маслу, и признаюсь, что в тот момент почувствовал себя героем.

– Лучше не дергайся, Морс, если не хочешь появиться на работе в гипсе, – предупредил я, склонившись к его уху, а затем добавил уже гораздо громче: – Лиринна, достань у меня из кармана плаща кошелек и заплати Лу, сколько мы ему должны.

– Что ты, Сухарь, – замахал руками не на шутку перепуганный бармен. – Мы в расчете. Ты ничего не должен.

– Хорошо, – согласился я. – Лу, плеснешь лейтенанту стаканчик за мой счет, чтобы он поостыл.

Лу с готовностью закивал.

– Лиринна, возвращаемся в офис.

Она быстро собралась и подошла ко мне, я тем временем удерживал Морса лицом к полу. Полицейский дышал так, словно только что вылез из воды. Я потрепал его по загривку:

– Прости, Морс, но ты первым начал. В другой раз веди себя при дамах более прилично. – И быстро выскочил на улицу.

Лиринна последовала за мной.

– Зачем ты его так? – упрекнула она. – Я сама могу постоять за себя.

– Он получил по заслугам. У нас с Морсом старые счета, – пробурчал я и потащил девочку за собой.

Мы вернулись обратно в контору. До прихода ювелира оставалось минимум полчаса. Я нашел подшивку старых газет и отдал девушке.

– Это тебе. Полистай, чтобы не было скучно.

Лиринна углубилась в чтение. Было слышно, как шуршат переворачиваемые страницы и тикают часики. Я поискал в столе, вроде бы там должна остаться недопитая бутылка вина, но ничего не нашел. Видимо, провалы в памяти бывают не только у илонов.

Раздался стук в дверь. Даже не стук, а так, словно мышка поскреблась.

Я скосил глаза на часы – должно быть, пришел ювелир. Только чего это он такой нерешительный?

– Входите, открыто!

На пороге появилась еще не старая женщина в пышном костюме с обилием разных рюшечек и оборочек и в широкополой шляпе, украшенной страусиными перьями.

– Мне нужен частный сыщик Гэбрил.

– К вашим услугам, мэм. Проходите и садитесь, пожалуйста.

Женщина села на стул для клиентов, положила на колени сумочку, достала платок, промокнула слезы и сказала:

– Меня зовут Эльза фон Бомм, – потом немного подумала и добавила: – Я баронесса.

– Очень приятно, я Гэбрил, частный сыщик. Кем были мои родители – не знаю, потому что детские годы провел в сиротском приюте, но скорее всего не дворяне. А это моя сотрудница, Лиринна. Ее отец был старостой деревни.

Баронесса улыбнулась.

– Мне бы хотелось нанять вас для одного очень щекотливого дела. Вы можете хранить чужие тайны?

– Разумеется, мэм. Я буду нем, как рыба, и головой ручаюсь за моего сотрудника. – Я скосил глаза на эльфийку.

В подтверждение слов Лиринна изобразила знак, что будет молчать как рыба.

Женщина успокоилась. Она повертела платочек в руках, как будто не знала, куда его девать, и после тяжелого вздоха приступила:

– Мой муж, барон Отто фон Бомм, был бабником и лгуном, не пропускал ни одной юбки в округе, но я все равно любила его больше жизни и прощала самые безобразные выходки. Думаю, что другого такого обаятельного человека не найти! Наш брак длился почти тридцать лет, и не было ни одного дня, в котором я бы хоть на секунду пожалела о том, что вышла замуж за Отто. – Глаза баронессы увлажнились, речь прервалась.

Я налил немного воды, она с благодарностью выпила и смогла продолжить рассказ:

– В последний раз живым я видела его пять дней назад. Я догадывалась, что он шел на свидание с какой-то вертихвосткой, но, как правило, загул длился недолго, и мой Отто... – женщина всхлипнула, – всегда возвращался к своей Эльзе живым и невредимым. Но не на этот раз: позавчера его нашли мертвым на свалке. Нет, вы можете себе представить, моего Отто, который всегда был сама аккуратность, совершенно случайно нашли на городской свалке среди отбросов, где его тело засыпали всяким мусором?

– К сожалению, я не знал вашего мужа, – сказал я сочувственно, – но не сомневаюсь, что он не заслужил такой смерти. Негодяи могли бы укрыть его тело чем-то более подходящим, чем мусор с городской свалки. Примите мои соболезнования.

– Спасибо. – Баронесса смахнула предательскую слезу. – Конечно, Отто уже не поможет. Врачи, которые делали вскрытие, сказали, что он умер от внезапного сердечного приступа, это произошло четыре дня тому назад. Такое, видите ли, бывает с мужчинами, которым за пятьдесят. – Она снова всхлипнула. – Но они не знали, в какой прекрасной форме был мой муж. Я думаю, что он мог бы дать фору многим двадцатилетним юнцам.

– Тем не менее врачи считают, что причина смерти естественная? – уточнил я, понимая, что перечисление достоинств покойного барона может занять много времени.

– Да, вы правы, – подтвердила баронесса. – И вот поэтому я обращаюсь к вам. Я хочу узнать обстоятельства смерти мужа: где и с кем он провел последний день жизни и кто выбросил его тело на свалку.

– А что вам ответили в полиции?

– Мне сказали, что раз мой супруг не был убит, то обстоятельства его смерти их не интересуют. Тогда я решила нанять частного сыщика, перерыла все газеты и в итоге наткнулась на ваше объявление.

Я забарабанил пальцами по столешнице. Баронесса и Лиринна терпеливо ждали решения. На первый взгляд дело представлялось не таким уж и трудным, поэтому я решил от него не отказываться. К тому же баронесса, как потенциальная клиентка, явно была при деньгах, и сумма моего гонорара вряд ли ее испугает. Я даже немного накину к обычной таксе – нас ведь теперь двое: Лиринна и я.

– В принципе, я согласен, но понадобятся кое-какие ниточки, чтобы размотать весь клубок.

– Вот одна из них, – сказала баронесса и дала мне маленький бумажный сверток.

Я развернул его и увидел маленькую перламутровую пуговицу в виде змейки, переливавшуюся в лучах солнца. В центр пуговицы был вставлен маленький изумруд, размером не больше спичечной головки. Пуговицу явно оторвали – от ушка тянулся обрывок позолоченной нити.

– Что это? – спросил я.

– Эту пуговицу нашли у моего покойного мужа в правой руке, – пояснила баронесса.

– Хм, пуговица выглядит довольно необычно. Мне сложно представить наряд, к которому она крепилась. Видимо, что-то вычурное и феерическое. Впрочем, кто знает, какая безумная идея могла стукнуть в голову кому-то из кутюрье?

– О, как вы правы, – закивала головой баронесса в знак согласия. – Порой кажется, что наши модельеры провели большую часть жизни в доме умалишенных. Видели бы вы, какие сейчас делают платья! Если раньше мода одевала женщин, то теперь раздевает. Я лично чувствую себя голой в этих современных нарядах с декольте до пояса и разрезом до самого копчика.

Ох уж эти женщины! Стоило только заговорить о тряпках, и эта тема стала волновать ее больше смерти мужа. Однако беседу необходимо вернуть в прежнее русло: может быть, Лиринна как представительница слабого – хм! – пола и могла поддержать на должном уровне дискуссию о последних веяниях моды, но на мою помощь ей рассчитывать не приходилось – здесь я полный профан. Хотя тенденции, о которых только что поведала баронесса, показались мне неплохими.

Мы еще немного поговорили, затем Лиринна сбегала в ближайшую кондитерскую, и я угостил Эльзу фон Бомм чашечкой ароматного кофе с пирожными. Расстались мы с баронессой друзьями – не разлей вода. Напоследок клиентка обожгла меня таким взглядом, что я поневоле задумался: уж не собирается ли она выйти замуж вторично, выбрав в качестве мишени для matrimониальных планов скромную персону частного сыщика Гэбрила?

Пуговица в виде змейки осталась лежать на столе. Придется взять ее за отправную точку в расследовании. Негусто, конечно, но лучше чем ничего.

Как только Эльза (баронесса настойчиво просила звать ее именно так) оказалась за дверью, я отправил Лиринну мыть посуду. Эльфийка выступила со встречным предложением мыть чашки и ложки по очереди, начиная с меня, но я проявил устойчивость и был твердым как гранит. Когда она вернулась и вновь углубилась в чтение газетных полос, я исполнил туш и торжественно произнес:

– Прошу минутку внимания! Поздравляю с первым клиентом, Лиринна!

Девушка отложила газеты в сторону и улыбнулась. Она хотела что-то сказать, но тут в дверь снова постучали. На этот раз я не ошибся – пришел ювелир Блюм.

У него были слезящиеся глаза, шаркающая походка пожилого человека, сутулая спина, плохое здоровье и деньги, много денег.

– Здравствуйте, молодой человек. – Голос его скрипел и повизгивал, словно кто-то царапал гвоздем по стеклу. – Вижу, что вы таки не один. Я не помешал?

Я поспешил заверить старика, что он пришел как нельзя вовремя.

Блюм окинул взором Лиринну и одобрительно кивнул:

– Когда я был таким же молодым и красивым, как вы, Гэбрил, мои папа и мама говорили мне: «Сынок, убери лупу в стол. Сходи на улицу, погуляй с девушками». Я слушал их, кивал головой и делал все по-своему. Работал сутки напролет, без праздников и выходных, и не замечал женской красоты. Может быть, я таки и умер бы холостяком, если бы родители не познакомили меня с Эллочкой. Мы поженились, Эллочка родила мне сына. Он был таким чудесным ребенком, а потом вдруг вырос и превратился в отпетого шалопая.

Старик помедлил:

– Хорошо, что жена не дожила до такого позора, и рвать на голове последние волосы приходится только мне! Скажите, Гэбрил, что натворил мой негодник? Не томите старика.

– Думаю, что вам стоит выслушать меня сидя.

Старик присел на самый краешек стула, скрестил руки на набалдашнике трости и выжидающе посмотрел. На худой сероватой шее отчетливо пульсировала жилка.

Я приступил к короткому изложению основных фактов:

– Хочу вас предупредить: ситуация достаточно серьезная, но все могло оказаться гораздо хуже. Ваш сын Боб попал в дурную компанию и оказался на крючке. Он сел играть в карты с профессиональным шулером, разумеется, в итоге его умело обчистили. Сейчас за вашим сыном числится довольно большой долг, отдать который своими силами он не сможет. К вам Боб обращаться боится, думает, что вы с позором его выгоните.

Ювелир горестно всплеснул руками, я продолжил:

– У меня есть проверенная информация, что Боба хотят втянуть в какое-то нехорошее дело, скорее всего в ограбление вашего ювелирного магазина. Если он откажется, то на него будут давить, включив счетчик, и долг вашего сына будет расти как на дрожжах. В итоге Боба, если он не вернет деньги, убьют или покалечат.

– Так-так... – Ювелир настолько низко склонил большую голову, что на мгновение показалось, будто он сложился вдвое. – Все, что вы мне сказали, очень печально, я никак не ожидал от Боба подобного легкомыслия. Я быстро понял, что с ним творится неладное, поэтому и попросил, чтобы вы за ним проследили, но как он мог попасть в такую передрягу?! У него ведь есть голова на плечах!

– Не вините его так строго, – попросил я старика. – Многие в молодости совершали ошибки, а потом раскаивались – ваш сын не стал исключением.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Блюм. – Я не хочу терять сына, он все, что у меня есть на этом свете, и я его очень люблю. Жаль, что Боб не пришел ко мне сам и не поделился своими проблемами. Я бы его, конечно, отругал, но чтобы выгнать...

Старик совсем пал духом, и я решил его приободрить.

– В конце концов, он пытался поступить как настоящий мужчина, который сам решает свои проблемы, вот почему Боб не стал переваливать их на ваши плечи. В какой-то степени вы даже можете им гордиться.

– Не пытайтесь подсластить пилюлю, – усмехнулся старик. – Не переживайте за меня: я стар, но еще не впал в старческий маразм и вижу, что к чему. У вас большой опыт в таких делах, помогите мне, пожалуйста, посоветуйте, как я могу спасти своего сына. Может быть, мне стоит рассказать обо всем полиции?

– Ни в коем случае. Полицейские вам не помогут, они мастера заваривать кашу, которую потом долго приходится расхлебывать. Не стоит играть с судьбой. Отдайте долги, которые успел накопить ваш сын, а потом его спрячьте: отвезите туда, куда до него никто не доберется.

– А кто они – люди, которые отравили жизнь моему сыну? Что можете о них рассказать?

Я поперхнулся и спросил после минутной паузы:

– Прозвище Мясник говорит вам что-нибудь?

Ювелир посмотрел по сторонам, словно боялся, что его могут услышать посторонние, потом разом выдохнул воздух и с опаской сказал:

– Таки сам Мясник?

– Во всяком случае, его подручные. – Вряд ли сообщение обрадовало старика. – Недавно они мне угрожали – сказали, чтобы я отказался от расследования, а вчера подкараулили в коридоре. Состоялся неприятный разговор, мы крепко повздорили, пришлось даже применить силу. – Я умолчал о спасительном вмешательстве Лиринны. – В настоящее время два типа, которые хотели набить мне морду, дают показания в полиции, но это рядовые пешки, которые ничего не знают. Полиция вряд ли сможет вытянуть из них что-нибудь стоящее. Скоро они будут на свободе.

– Значит, те синяки, которые я на вас вижу, следствие того, что вы не испугались угроз и продолжили расследование?

– Да, – сказал я. – Мне пришлось туго, но вашему Бобу будет намного хуже, если вы не последуете моему совету. Проявите благоразумие, не пытайтесь тягаться с Мясником – все равно проиграете. То, что я предлагаю, – самый легкий и безопасный вариант: заплатите бандитам и спрячьте сына. Как только все уляжется, Мясник о нем позабудет и найдет себе новую жертву.

– Хорошо, я подумаю, – вздохнул ювелир. – Спасибо за проведенное расследование. Я рад, что выбрал именно вас, и думаю, мне придется компенсировать причиненные вам увечья и страдания.

Последняя фраза звучала совсем неплохо. Я согласен получать синяки и шишки при условии, что за них хорошо заплатят.

– Сколько я вам должен, Гэбрил, с учетом неприятных последствий для вашего организма?

Я назвал сумму. Старик выслушал молча, лишь уточнил:

– Как вы предпочитаете получить деньги: наличностью или чеком?

– Лучше наличными, банкам я не доверяю.

Ювелир отсчитал деньги замусоленными от долгого употребления купюрами. Наблюдать со стороны за работой его ловких пальцев было сплошным удовольствием. К тому же я не забывал, что совсем скоро эти деньги перекочают в мой карман. Мысль об этом грела душу, как южное солнце раскаленную пустыню.

Блюм закончил увлекательное занятие и не без сожаления передал тугую пачку купюр:

– Пересчитайте, пожалуйста.

– Спасибо, я привык верить клиентам.

Я отдал старику отчет, но он не стал углубляться, лишь бегло пролистал несколько страниц. Он уже было собрался уходить, как его взгляд упал на пуговицу, найденную в руке мертвого барона, – я забыл убрать ее со стола. Старик вопросительно посмотрел:

– Можно взглянуть?

– Почему нет? – сказал я и кончиком указательного пальца подтолкнул пуговицу-змею.

Ювелир рассмотрел ее под разными углами, даже достал большое увеличительное стекло, снабженное ручкой. Я слегка заскучал, пока Блюм разглядывал под лупой увеличенное изображение пуговицы, но в итоге был вознагражден, поскольку ювелир пришел к окончательному выводу:

– Надо же! Не хочу показаться нескромным, но эта штучка таки моих рук дело.

– Вот как?! – мы с Лиринной заинтересовались практически одновременно.

– А что тут такого? Все знают, что ювелир Блюм дока в своем ремесле, поэтому я еще никогда не жаловался на нехватку клиентов. Вот и на этот раз: мне заказали изготовить несколько пуговиц в виде змеек и украсить их драгоценными камнями для сценического костюма какой-то танцовщицы. Зовут ее... – старик напряг свою память, – кажется, Никавери или что-то вроде того.

Я решил ковать железо, пока горячо.

– Она сама приходила к вам с заказом?

– Нет. – Старик даже крикнул от удовольствия, видимо, ему было приятно хоть ненадолго отвлечься от домашних неприятностей. – Был ее импресарио по имени Глок, поразительно неприятный тип, длинный такой, смуглый, с зализанными волосами. Я, признаюсь, сперва принял его за жулика, но он таки оказался порядочным человеком и расплатился со мной как полагается. Пришлось сделать почти тридцать таких пуговиц, поэтому я дал ему хорошую скидку как оптовому клиенту.

– А он сказал, где работает эта танцовщица?

– Увы, таки нет. Он что-то талдычил про какую-то экзотику, но для меня, старика, все, что творится за окнами мастерской, уже экзотика. Я, знаете, редко бываю на улице, а уж когда в последний раз выходил в свет, даже не помню. Кажется, это было лет десять назад, когда Эллочка была еще жива. Мы с ней посетили городскую филармонию. Был чудный вечер...

Глаза у старика заслезились. Он весь погрузился в воспоминания, из которых его вывело мое деликатное покашливание в кулак.

– Простите меня. – Он с таким жаром стал извиняться, что я на какое-то мгновение почувствовал себя неловко.

Когда-нибудь и мне суждено стать вот таким, никому не нужным стариком (если доживу, конечно). Даже не верится, что я буду сидеть, шамкать беззубым ртом, двигать непослушными конечностями, есть манную кашу без комков и вспоминать о днях молодости. К сожалению, судьбу не обманешь.

Глава 3

В которой происходит встреча со старыми друзьями. Я узнаю, кто такая Никавери

Зовите меня перестраховщиком, но, прежде чем сунуть голову в пасть льву, стоит убедиться, что царь зверей недавно позавтракал. Имя Никавери, названное ювелиром, мало что говорило. Кто знает – может, за ней стоит какая-нибудь влиятельная фигура, которой не понравится, если я начну приставать к девушке с расспросами? На меня и так точит зуб Мясник, зачем заводить новых врагов и облегчать ему задачу? К тому же я понятия не имел, где искать эту Никавери. Столица далеко не маленький город, и поиски этой мадам могли отнять кучу времени.

Решил сделать ход конем. Помните, я обещал рассказать о приятеле, который уговорил меня приобрести ковер для офиса, а потом в пух и прах раскритиковал покупку?

Его зовут Гвенни. Он полукровка – наполовину гном, наполовину человек. В отличие от эльфов гномы смотрят на межрасовое скрещивание сквозь пальцы, так что Гвенни повезло: гномья родня не превратила его в изгоя, хотя папаня-человек, узнав о том, что скоро станет счастливым отцом, срочно отбыл в неизвестном направлении. Звучит немного странно, но гномы оказались куда человечнее: они не отказались от малыша и вырастили его как одного из своих, заменив и сбежавшего отца, и умершую при родах мать. Когда Гвенни стукнуло семнадцать, его отправили в столицу учиться в университете, в результате он получил хорошее образование. Дальше – больше. Родственники-гномы помогли открыть собственное дело, скинувшись на стартовый капитал, а парень не подкачал и распорядился полученными деньгами с умом.

Гвенни оказался своеобразной натурой: будучи прирожденным эстетом, имел утонченный вкус, обостренное чувство прекрасного и в то же время... редактировал бульварную газету «Столичная жизнь», которая занималась перетряхиванием грязного белья городского бомонда. Трудно сказать, как в нем уживались две противоположные ипостаси. Гвенни писал стихи, не пропускал ни одной выставки картин, имел постоянный абонемент в оперу, обожал балет, но каждую неделю ходил в суд, как на работу: разъяренные «герои» язвительных репортажей постоянно пытались вчинить иски за клевету и измышления, которые он, как правило, выигрывал. И со мной Гвенни познакомился в ходе одного из судебных разбирательств. Тогда его интересы представлял мой сосед по офису – адвокат Марсен. С фактами у редактора «Столичной жизни» оказалось не все в порядке, и истец вот-вот мог добиться своего и выиграть суд. В таком случае Гвенни пришлось бы расстаться с очень крупной суммой и потерять лицо. Если с первым он еще как-нибудь бы смирился, то второе для него, как настоящего профессионала, было равносильно смертельному приговору: газету скорее всего бы прикрыли. Нужна была помощь хорошего детектива, и Марсен свел нас друг с другом. Я помог Гвенни – нашел доказательства, подтверждавшие правоту статьи, и мы подружились.

Он оказался отличным парнем, и я еще ни разу не пожалел о нашем знакомстве. Кроме того, Гвенни был настоящим кладом информации. Если в городе что-то случалось, он узнавал об этом в числе первых. Вдобавок Гвенни обладал хорошими связями на разных уровнях. Число его приятелей и знакомых не поддавалось исчислению, но я единственный, кого можно с полным на то основанием назвать другом.

Как только ювелир покинул нас, я переложил честно заработанный гонорар в бумажник и сказал:

– Лиринна, на сегодня твой рабочий день закончен. Я уйду по делам, а ты можешь идти домой. Завтра приходи к девяти утра и не опаздывай.

Девушка удивилась:

– А как же расследование? Нам ведь надо найти и допросить эту Никавери.

– Никавери я беру на себя. Лучше позаботься о родителях, они наверняка с ума сходят оттого, что не знают, где ты была прошлой ночью. Передавай отцу от меня привет.

Лирина надула губки.

– Так нечестно. Мы работаем вместе, и я тоже хочу искать Никавери.

– Лирина, не спорь, тебя ждут дома, – сказал я, немного нервничая. Ослиное упрямство девчонки когда-нибудь доведет меня до седых волос.

Эльфийка, не говоря ни слова, взяла сумочку и поплелась к выходу, но все же не сдержалась и, перед тем как уйти, показала язык. Я хмыкнул, затем поскреб в затылке. Новых идей от этого не прибавилось.

Идти к Гвенни с пустыми руками не хотелось, поэтому сразу после того, как я оказался на улице, ноги сами отнесли меня к небольшому магазинчику, в котором круглосуточно торговали спиртными напитками. Владелец хорошо знал мой вкус и всегда держал под прилавком бутылочку-другую хорошего вина, какого сейчас и днем с огнем не сыщешь. Цена не испугала – я снова был при деньгах, и мы расстались довольными друг другом. Главное – не забыть включить вино в графу служебных расходов.

У магазинчика стояла афишная тумба, но вместо привычных анонсов спектаклей и представлений на ней висели агитационные плакаты с призывом голосовать на выборах мэра столицы за лорда Риторна. Надо же, как быстро пролетели пять лет с того момента, как в кресле нашего мэра прочно угнезвился толстый зад маркиза Виттора!

Столица по-своему уникальный город: если в других городах королевства мэры назначаются специальным королевским указом, то у нас их выбирают. Город получил такую привилегию десять лет тому назад, когда городское ополчение смогло отбить атаку баронов-мятежников, решивших свергнуть королевскую династию и установить в стране свои порядки. Три гвардейских полка, составлявшие гарнизон столицы, с позором бежали с поля боя, поговаривали о предательстве командиров этих подразделений. Тогда горожане собрали ополчение и выдвинули его навстречу неприятелю. Оказалось, что ремесленники дерутся не хуже профессиональных вояк. Они задержали баронов до прихода основных частей регулярной армии и помогли подавить мятеж. Расчувствовавшийся король решил отблагодарить жителей столицы и издал указ о самоуправлении города. Теперь каждые пять лет городская казна расходует огромные средства на выборы мэра. Два прошлых срока магистратом управлял маркиз Виттор, за это время он успел построить себе дворец, по размерам разве что немногим уступавший королевскому. Если судить по агитационному плакату, то теперь и лорд Риторн озабочен улучшением жилищных условий. За счет нас, простых горожан, разумеется.

Добираться пешком до редакции «Столичной жизни» было невмозготно. Я свистнул проезжавшему мимо кэбу и с ветерком домчался до двухэтажного каменного особняка с колоннами, выдержанного в строгом классическом стиле. Редакция и типография газеты размещались на первом этаже, второй был отдан паре мелких акционерных обществ, суливших клиентам гигантские прибыли. На мой взгляд – типичные мошенники, которым палец в рот не клади, но легковых людей хватает даже в наше суровое время. Вот и сейчас по лестнице поднялись несколько человек, явно привлеченных рекламными щитами с тремя крупными буквами «М», установленными в окнах второго этажа.

Кабинет Гвенни отгрохал с широтой наполовину человеческой, наполовину гномьей души, размером с хорошее поле для гольфа. Одна стена представляла собой картинную галерею, на противоположную приятель вешал судебные постановления в красивых рамках после каждого из выигранных «Столичной жизнью» дел. И картин, и решений суда было так же много, как пятен на солнце. Если первая стена услаждала эстетические чувства Гвенни, то вторая удовлетворяла тщеславие.

Секретарша знала о наших особых отношениях, поэтому не препятствовала моему доступу к телу шефа. В настоящее время Гвенни был очень занят – кормил рыбок в аквариуме.

– Ого! – воскликнул приятель, на время оторвавшись от увлекательной процедуры. – Сухарь, сколько лет, сколько зим?!

– Всего неделя, – ответил я, намекая на то, что с момента последней встречи прошло отнюдь не так уж и много времени.

– Надо же, целая неделя! – Гвенни всплеснул руками. – Как быстро летит время.

– Это точно, – подтвердил я и добавил: – Давай не будем его терять.

Я поставил на стол бутылку. Гвенни оценил жест и отработанным движением извлек из сейфа два высоких бокала и апельсин.

– Пойдет?

– В самый раз.

Хлопнула пробка, янтарная жидкость заполнила емкость бокалов. Гвенни перочинным ножичком очистил тонкую кожуру, затем разделил апельсин на дольки. Покончив с приготовлениями, мы расселись в кожаных креслах с высокими спинками и с наслаждением вытянули ноги.

Гвенни поднял бокал и замер, наблюдая, как игристое вино переливается и искрится на дне бокала.

– За встречу!

– За встречу, – согласился я.

Мы чокнулись, затем выпили. Я пил залпом, а Гвенни немного посмаковал, прежде чем опустошить бокал, потом посмотрел на меня пронизательными глазами.

– Я так понимаю, что ты здесь не ради выпивки. Ну давай, выкладывай, с чем пожаловал.

Я собрался с мыслями. Посвящать Гвенни во все тонкости не стоит, но кое-какой информацией поделиться придется.

– Гвенни, что тебе известно о бароне Отто фон Бомме?

Приятелю не нужно было рыться в бумагах, его память впитывала в себя информацию, как губка. Он нахмурился и процедил сквозь зубы:

– Довольно немного. Скажи, друг, с каких пор ты стал интересоваться покойниками, покинувшими наш мир из-за банального сердечного приступа?

– Это в тебе профессиональное любопытство заговорило?

– Ага.

– Клиент хочет, чтобы я кое-что разнюхал. Считай, что ты только что пил за его счет.

Гвенни засмеялся. Я, иной раз наблюдая за ним, пытался составить мнение, кого же в нем больше – человека или гнома. Ростом он не вышел, но таких коротышек на улице пруд пруди, мясистый нос и густые выступающие брови вполне могли принадлежать родственникам по гномьей линии, а вот глаза все же человеческие – ясные, лучистые, с радужной оболочкой. Кто видел гномов, поймет.

– Уговорил, Сухарь, расскажу все, что известно. Вино того стоит. Тебя интересует, когда он родился, как прошло его детство, юношество?

– Лучше опусти. Вкратце обрисуй, что это был за человек и коснись событий последнего месяца.

– Ну что я могу сказать? Твой барон был первостатейным бабником. Хлебом не корми – дай приударить за очередной юбкой. А вкус у него был специфический. Просто обожал гламурных дамочек, ну а особым расположением у него пользовались разного рода певички или танцовщицы. От них барон просто разум терял. И они его в свою очередь привечали – умел мужик пускать пыль в глаза.

– А ты знаешь кого-нибудь из последних пассий?

– Да, слышал так, краем уха, что он крутил роман с новомодной экзотической танцовщицей Никавери, вся экзотика которой заключалась в том, что в конце выступления на ней оставалось гораздо меньше одежды, чем в начале. Вроде бы дуреха втрескалась в него по самые уши, а он ей с успехом пудрил мозги.

– Кто такая эта Никавери? Расскажи подробнее.

– Ну, если ты любишь высоких крашенных блондинок, то примерно представляешь, о ком речь. Я тут говорил о мозгах, так вот мозгов у Никавери не больше, чем у курицы. Но для ее профессии это ведь не главное...

– А где она работает?

– Ночной клуб «Сerpентарий» – слышал о таком?

– Нет.

– Неудивительно, – хмыкнул Гвенни. – Это местечко для настоящих сливок общества, к которым мы с тобой не относимся. Там собираются аристократы и миллионеры, которые могут положить наш город себе в карман жилетки.

– Адресок не подскажешь?

– Да пожалуйста, только тебя туда и на порог не пустят, нужна членская карточка.

Я устремил на Гвенни пристальный взгляд:

– Дружище, только не говори, что у тебя такой нет, я все равно не поверю.

– И правильно сделаешь, – признался Гвенни. – Конечно, у меня есть членская карточка этого клуба, на ней и адрес указан. Хочешь взять?

– Да.

– Скажи, на кого работаешь – и карточка твоя.

– Перебьешься.

– Ладно, уломал. – Гвенни вытащил из визитницы прямоугольный кусочек картона и отдал мне. – Бери так, но может, хоть на ушко шепнешь, кто твой клиент?

– Гвенни, если я нарою что-нибудь стоящее, то обязательно с тобой поделюсь. Но пока ничего нет, одни предположения.

– Ну, хорошо. – Гвенни сдался и отстал от меня. – Сменим тему. Ты уже избавился от того вульгарного ковра, что висел у тебя в кабинете?

– Нет, конечно. Я к нему привык.

Гвенни картинно заломил руки и обиженно засопел.

– Как ты можешь спокойно работать, когда за спиной висит такая пакость?

– Говорю же, что я к нему привязался. К тому же на спине у меня глаз нет. И клиенты еще ни разу не жаловались.

– Нет, это невыносимо, – пожаловался Гвенни. – Я пытаюсь привить тебе хороший вкус, а ты способен опозлить любое благое начинание! Но я этого так не оставлю.

Гвенни скрылся в глубине кабинета. Спустя мгновение до меня донесся шум и грохот от падающих предметов. Потом появился Гвенни, весьма довольный собой. В руках он держал тонкий сверток длиной в полметра.

– Что это? – спросил я с некоторой опаской.

– Подарок, – простодушно ответил приятель. – Разверни и посмотри. Благодарить будешь после.

Я взял сверток в руки, снял тесемку, которой он был перехвачен, и развернул полотно. Взору предстал холст в виде зеленого квадрата на белом фоне. Я непонимающе посмотрел на друга.

– Гвенни, ты, наверное, приобрел это на выставке детского рисунка? Поздравляю с удачной покупкой.

Приятель не на шутку обиделся.

– Нет, Гэбрил, тебя не зря зовут Сухарем. Ты ничего не смыслишь в современном искусстве. Посмотри внимательно на этот шедевр и слушай внимательно. Я научу тебя понимать сущность картины и глубину авторского замысла.

Я зевнул, но Гвенни продолжил, будто ничего не замечая:

– В центре полотна изображен зеленый квадрат. Он словно вобрал в себя глобальные формы и краски мира, сведя их к пластической формуле, где доминируют цвета жизни (зеленый и белый). Подчеркнуто простая геометрическая форма-знак, не увязанная ни ассоциативно, ни пластически, ни идейно ни с каким образом, предметом, понятием, уже существовавшими в мире до нее, свидетельствует об абсолютной свободе ее создателя. Зеленый квадрат знаменует собой чистый акт творения, осуществленный художником-демиургом.

– Гвенни, еще минута, и я тебя убью.

– Гэбрил, вникни в тайны космического мироздания. Неужели ты не видишь всю сакральность... Ай, чего дерешься?

– Дружище, хватит трепаться. Лучше скажи, на кой ляд мне сдался этот зеленый квадрат. Что я с ним буду делать?

Гвенни уже пришел в себя после маленькой трепки, которую пришлось задать, дабы прервать поток его красноречия. Он принял величественную позу и сказал:

– Выкинь ковер и повесь эту картину на его место, так ты выкажешь себя настоящим ценителем живописи. Поверь, совсем скоро «Зеленый квадрат» будет стоить большие деньги, ведь это полотно кисти пока не оцененного по достоинству художника. – Гвенни стал пророчествовать. – Пройдет немного времени, и люди осознают ошибку. Совсем недавно художник закончил рисовать следующий шедевр, способный стать эпохальным творением, назвал его «Черный квадрат» и... исчез вместе со своей работой. Жаль, конечно... Но, может быть, в ином месте автора ждет настоящий успех и признание.

– Хорошо, я беру «квадрат» исключительно по причине хорошего отношения к твоей персоне. Возможно, я даже иногда буду на него посматривать.

Затем мы простились, и я отправился навестить следующего друга. Он был волшебником.

Считалось, что в последней войне с эльфами все маги были перебиты и в итоге королевство осталось без волшебников. Так-то оно так, но одного настоящего мага, дожившего до наших дней, я все же знал. Разумеется, власти были в курсе его существования, но давно уже списали со своих счетов. Мой друг, Алур Краснощекый, не вызывал у них никакого интереса, потому что был спившимся магом-неудачником, растерявшим практически все способности.

Жил он в маленьком гостиничном номере в самом что ни на есть городском захолустье. О том, чтобы добраться туда на кэбе, не могло быть и речи: кэбмены слишком дорожили жизнью, чтобы рисковать ею в угоду частному сыщику Гэбрилу Сухарю, которому лень добираться на своих двоих до одного из самых опасных кварталов столицы, пусть это даже и не Трущобы, о которых речь пойдет позже. Но я на всякий пожарный попытался: вдруг повезет?

Первый кэбмен, которой узнал о конечной цели путешествия, лишь смерил меня подозрительным взглядом и ответил с явными признаками раздражения в голосе:

– Извините, сэр, мой кэб занят. Заказчик должен подойти с минуты на минуты.

Я отошел и обратился к следующему извозчику. Тот в ответ развел руками:

– Ничем не могу помочь, сэр. У меня есть дети, которым не хочется осиротеть в столь юном возрасте. Думаю, вам придется поискать дурака, кому деньги дороже, чем здоровье. На нашей стоянке таких точно нет.

Он оказался прав. Устав упрашивать неговорчивых кэбменов, я размашистой походкой пошагал по брусчатке мостовой. По городским улицам летели пыль и сухие листья, сорванные с места пушистой мягкой метлой ветра. Пришлось поднять воротник плаща и надвинуть шляпу глубоко на глаза. До гостиницы добрался почти без приключений, если не считать стычки с двумя бродягами, караулившими в подворотне одного из домов случайных прохожих. Резуль-

татом короткого randevу стало то, что я все же остался при своих интересах, а бродяги заработали несколько шишек и ссадин.

Увидеть трезвого Алура можно не чаще, чем единорога на городских улицах. Мне, во всяком случае, не удавалось пока ни первое, ни второе, хотя теоретической возможности я никогда со счетов не сбрасывал.

Если бы в нашем городе открыли клуб неудачников, приятель смело мог претендовать на место председателя. Говорят, что когда-то давно он был одним из лучших магов, но сейчас от бывшего величия не осталось и следа. Передо мной сидел бородатый старик с потухшими глазами.

Больше ста лет назад, когда люди что-то не поделили с эльфами, разразилась война. Наш король решил расправиться с ними при помощи волшебства и призвал всех магов. Эльфы быстро узнали об этом плане и внесли в него коррективы: устроили вылазку в лагерь людей и перебили всех волшебников, застав врасплох. Выжить удалось лишь Алуру, и то потому, что его незадолго до нападения отправили в столицу по каким-то важным делам.

Когда друг узнал, что все маги погибли и он остался единственным волшебником, его психика надломилась. Вероятно, если бы удалось найти ученика, старика еще можно было бы спасти от разверзнувшейся пропасти, но Алур просто ушел в себя и замкнулся, а потом запил. Постепенно он пропил почти все знания и талант. Во всяком случае, так принято считать. У меня на этот счет имелось собственное мнение, которое я, впрочем, предпочитал держать при себе.

В том, что Алуру давно перевалило за сто лет, не было ничего необычного. Маги жили очень долго по человеческим меркам. Дар подпитывал их жизненные силы. Говорили, что волшебники порой дотягивали до трехсот лет. На мой взгляд, Алуру, если он не возьмет себя в руки, столько не светит.

Ютился маг в каморке под лестницей – на большее не хватало денег. Я несколько раз давал ему довольно крупные суммы, но напрасно – он все пропивал. На хлеб и спиртное Алур зарабатывал тем, что показывал фокусы и иногда лечил людей, хотя обратиться к нему за помощью решались немногие. Кто знает, не перепутает ли он с похмелья заклинания? Мне лично повезло – однажды старик поднял меня на ноги.

Тогда я работал в отряде телохранителей графа Монтойского. Один из недругов подослал наемного убийцу – меткого арбалетчика. Граф Монтойский всегда отличался беспечностью, и убийце не составило большого труда подобраться на близкое расстояние. Он выстрелил в моего нанимателя практически в упор; не оставалось ничего другого, кроме как оттолкнуть графа и принять арбалетный болт на себя. Я буквально истек кровью, когда меня на носилках доставили к лекарям, но они, обследовав рану, пришли к выводу, что пациент безнадежен и скоро умрет.

Один из наших парней был наслышан об Алуре, ему не составило большого труда уговорить меня попытать счастья у спившегося чародея – я тогда хватался за любую соломинку. И Алур сотворил чудо. Он сделал то, что оказалось не под силу врачам: поставил на ноги раненого, которого все списали со счетов. Вот почему я так привязался к старику, несмотря на все его странности.

Он походил на высохшую мумию с проспиртованными мозгами – одна кожа да кости. Лицо выглядело изможденным, глазные впадины глубоко провалились, глаза давно потухли; бескровные губы, острый нос, обвисшие щеки не придавали красоты и обаяния. Длинные седые волосы давно не знали расчески и были взлохмачены. Алур носил бороду, но почти никогда ее не подстригал, поэтому сальные космы торчали во все стороны. Из одежды был только балахон, сшитый из грубой ткани наподобие мешковины, обильно усеянный жирными пятнами и следами от грязи; на ногах разбитые башмаки, с подошвами, державшимися на одном честном слове и веревочках.

Старый волшебник был пьян, но пока не до такой степени, чтобы совсем отключиться. Он узнал меня, даже попытался привстать, чтобы поздороваться, но тут силы его оставили, и волшебник беспомощно завалился на бок. Я помог ему принять исходное положение и сел рядом.

– Как поживаешь, Гэбрил? – Его язык, на удивление, не заплетался, и говорил маг вполне отчетливо.

– Нормально, – ответил я.

– А зачем пожаловал? Если хочешь, чтобы я залечил тебе какую-нибудь болячку, то лучше не рискуй, я сегодня не в настроении.

– Нет, Алур, я пришел по другому поводу. Нужен совет.

– Даже так? – Маг выглядел польщенным. – Давно у меня не спрашивали совета, ты первый за последние пятьдесят лет.

Я рассказал о смерти барона фон Бомма. Старик слушал не перебивая, но в конце заметил:

– Твой барон умер своей смертью. Чего ты от меня хочешь?

Я собрался с мыслями и ответил:

– Алур, ты меня знаешь довольно давно. Когда я открыл свою контору и стал зарабатывать на хлеб ремеслом частного сыщика, то быстро понял: вещи зачастую выглядят не такими, как на самом деле. Я привык никому не верить и все проверять. Врачи решили, что барон умер от сердечного приступа. Может быть, они и правы, но если есть малейшая вероятность, что ему помогли отправиться на тот свет, я должен знать об этом в первую очередь.

– Гэбрил, я не врач.

– Я не спорю, но тебе известно то, о чем медики не имеют ни малейшего представления. Ты – маг, у тебя есть то, чего нет у остальных, – дар. Воспользуйся им и помоги мне.

– Гэбрил, я уже давно не маг. Ты хочешь посмеяться над старым больным человеком?

Я взорвался:

– Алур, неужели тебе не надоела такая жизнь? Посмотри, во что ты превратился? Ты так много пьешь, что скоро возле тебя нельзя будет зажечь спичку.

– Молодой человек, я старше вас в четыре раза. Когда-то и я был таким же молодым и наивным, но потом в один день потерял всех, – старик сделал страшное лицо, – всех, кого любил и кем дорожил! Друзей, товарищей, близких – эльфы расправились с ними, как с беспомощными котятками. Просто нашпиговали стрелами с безопасного расстояния. Тогда я узнал, что такое одиночество! Долгая жизнь стала проклятием, и я жду не дожусь того часа, когда смерть приберет меня. Мне надоело жить, Гэбрил.

Старик схватил меня за воротник крючковатыми пальцами и подтянул поближе. Бесцветные глаза полыхнули нечеловеческим огнем.

– Понимаешь, надоело жить! Я осколок той, старой жизни и никуда не годная старая развалина.

– Возьми себя в руки и успокойся. – Я старался придать голосу уверенный тон. – Да, все твои друзья, и тем более сверстники, умерли, и ты остался единственным свидетелем той, былой эпохи. Я понимаю, что это очень грустно, но на самом деле ты не одинок, у тебя есть я!

Алур отпустил воротник, усмехнулся.

– Да, как же я мог забыть? У меня ведь есть ты – частный сыщик Гэбрил, которому от меня что-то нужно.

– Алур, на самом деле все, что мне нужно, – как следует встряхнуть тебя, чтобы ты перестал быть живым мертвецом. Я раскручивал и более заковыристые дела, но вместе мы смогли бы добиться большего.

Алур вслушался в мои слова. Кажется, старого пьяницу проняло.

– Я тоже давно перестал верить людям, но тебе, Гэбрил, верю. Вернее, хочу верить и надеюсь, что все, о чем ты только что мне рассказал, не просто красивые слова.

– Я был искренним.

– Хорошо, Гэбрил, я помогу. Говори, что тебе нужно?

– Установить, не ошиблись ли врачи, делавшие вскрытие.

Алура было не узнать, его словно подменили. Движения стали плавными и размеренными, как у уверенного в себе человека. Даже лицо перестало походить на восковую маску, теперь он выглядел деловито, как старый школьный учитель на пенсии.

– Покойника уже похоронили?

– Хм, а вот об этом я как-то даже и не удосужился спросить.

– Узнай, – требовательно произнес преобразившийся маг. – Это важно. Если барон уже похоронен, уточни, где именно. Я приду к тебе вечером.

– Хорошо, – согласился я. – Ты хочешь проделать какие-то опыты?

– Да, без них не установить истину.

– Есть одна проблема. Сам знаешь, что у нас как-то не принято тревожить покой мертвых после того, как врачи проделали вскрытие и вынесли вердикт.

– Поговори с баронессой. Вдруг она согласится?

– Это вряд ли, но я попробую. Кстати, как ты относишься к эльфам?

Старик неопределенно пожал плечами и промолвил:

– Раньше я их ненавидел, но потом мне стало как-то все равно. К чему ты клонишь?

– У меня теперь новый помощник – это эльф, даже не эльф, а эльфийка, девушка по имени Лиринна. Она тебе понравится, – ответил я и вышел из каморки.

Придется повидать баронессу второй раз за день. Сложно сказать, обрадуется она визиту или сочтет его неуместным – у богатых свои тараканы, но дело есть дело, и я не стал откладывать его в дальний ящик.

Жила баронесса на другом конце города. Половину маршрута я проделал пешком и понял, что еще немного пеших прогулок на свежем воздухе – и ноги у меня просто-напросто отвалятся. Когда городские трущобы закончились, подфартило – я смог поймать свободный кэб. Он и доставил меня к баронскому поместью, окруженному высокой стеной высотой в два человеческих роста.

К воротам была прикреплена медная львиная голова со свисающим из пасти кольцом, служившим вместо колотушки. Я взялся за него и несколько раз стукнул.

– Иду-иду, – раздалось в ответ. – Не стучите.

Что-то лязгнуло, и в верхней части ворот открылось маленькое окошко. Показалась недовольная усатая физиономия.

– Вам кого?

– Хочу увидеть баронессу Эльзу фон Бомм, – объяснил я. – Скажите, что пришел Гэбрил, она поймет о ком речь.

– Хорошо, – пообещала физиономия в окошке и пропала.

Пришлось подождать пять минут, прежде чем ворота распахнулись. В проходе маячила знакомая усатая морда привратника.

– Они вас ждут, – уважительно произнес он. – Велено сразу же доставить в ихнюю комнату. Идите за мной.

Пока привратник вел меня к покоям хозяйки, я крутил головой по сторонам, стараясь ничего не упустить. Поместье фон Боммов впечатляло. Прямо от ворот начиналась широкая дорожка, вымощенная редким булыжником желтого цвета. По сторонам стояли ровно стриженные кусты, за которыми заботливо ухаживали. Мы прошли мимо деревянной беседки, окрашенной в нежно-голубые пастельные тона, рядом была разбита клумба с цветами. Две женщины сидели на корточках и приводили ее в порядок.

Дорожка привела к симпатичному одноэтажному особняку с черепичной крышей. К нему примыкали хозяйственные постройки, вдали виднелся сад.

Внутри особняка сразу чувствовалась женская рука, настолько все сверкало и блестело. Наверное, прежде чем найти соринку, стоило попросить займы лупу у ювелира Блюма.

Вокруг царила такая безмятежность, что я, если бы не знал заранее, никогда бы не поверил, что совсем недавно владелец особняка был убит.

Вдова приняла меня в своей комнате. Скорее всего это была библиотека или рабочий кабинет. Вдоль стен до самого потолка стояли стеллажи с полками, набитыми толстыми фолиантами, – для того чтобы прочитать хотя бы половину из того, что на них лежало, понадобилась бы прожить столько лет, сколько прожил Алур. Правда, книги хранились бережно. Может, их не раскрывали, но пыль с обложек вытирали регулярно.

На полу лежал толстый и пушистый ковер, хорошо глушивший шаги. Мебели немного, но, прежде чем она сюда попала, над ней потрудились руки талантливого мастера. В комнате сильно пахло дорогой парфюмерией, слышно было на километр, как будто недавно тут разлили бочку с духами.

Баронесса держалась прямо, словно проглотила палку. Судя по выражению, застывшему на лице, она была несказанно удивлена визиту, думаю, ей не часто приходилось принимать у себя частных сыщиков. Одежда на ней была черного цвета и строгого покроя – дань памяти по умершему мужу. В ушах золотые серьги с какими-то финтифлюшками, каждая тянула на мой годовой заработок.

– Простите великодушно за вторжение. – Я решил начать с извинений за нечаянный визит. – Возникла необходимость уточнить кое-какие детали.

– Хорошо. – Льда в голосе баронессы хватило бы на небольшой айсберг. – Жаль, что вы не предупредили заранее. Мне не нужны лишние сплетни о том, что я обратилась к частному сыщику.

– Не беспокойтесь. У меня на лице не написано, чем я занимаюсь. Ваш привратник знает только имя, вряд ли оно ему о чем-то говорит.

Слова подействовали на баронессу успокаивающе. Она тут же оттаяла и превратилась из ледяной статуи в обыкновенную женщину: предложила сесть на тахту, спросила, не хочу ли промочить горло. Я отрицательно помотал головой.

– Раз так, тогда я тоже не буду пить, – сказала баронесса, немного обиженная отказом.

– Эльза, вашего мужа похоронили? – спросил я, памятуя о наказе Алура.

– Да, сегодня утром. Я пришла к вам сразу после похорон. Моего Отто положили в родовой усыпальнице. Она находится там, – женщина взмахнула рукой, указывая направление, – за домом. Стоит пройти сад, и сразу упретесь в дверцу склепа. Это очень гнетущее место, поверьте. Я не люблю там гулять.

В принципе все, что было нужно, я услышал. Осталось взять у баронессы разрешение на повторный осмотр тела и некоторые опыты.

Я было заикнулся об этом и сразу раскаялся. Вдова решительно отмела все доводы.

– Не удивлюсь, если выяснится, что произошло убийство, однако доказательства придется искать другими способами.

– Но...

– Я не позволю надругаться над телом моего Отто, – заявила она, сурово поджав губы.

Я понял: пора уходить, клиентка настроена решительно. Она приняла решение и не отступится, на все мои доводы ей просто начхать. Ладно, была бы честь предложена. Мы уже обменялись парой ничего не значащих фраз, предвещающих расставание, как в комнату без стука вошел молодой щеголеватый офицер в форме королевской конной гвардии.

– Прошу прощения, тетушка, – начал он, но тут увидел меня и сразу развернулся в мою сторону. – Лейтенант Герхард фон Бомм, – представился офицер, щелкнув каблуками. – С кем имею честь?

Я вспомнил молодость. Хотя мои башмаки щелкают не так звонко, как кавалерийские сапоги со шпорами, получилось ничуть не хуже. Опыт есть опыт.

– Гэбрил, сержант полка Диких Псов, – отрапортовал я и добавил: – В запасе.

– Очень приятно, – протянул офицер. Видимо, невысокое звание сразу низвергнуло меня в его глазах куда-то в самый низ, на уровень насекомых или мелких грызунов.

Зато я знал, что собой представляет королевская конная гвардия – три никчемных полка дворян-болванчиков, способных только красоваться на парадах и кружить головы легкомысленным барышням. В настоящем бою, когда над головами свистит пушечная картечь, а противник палит из ружей, луков и арбалетов, красавчики гвардейцы быстро теряли лоск и лепетывали так, что пятки сверкали.

Офицер галантно поцеловал у баронессы ручку, та зарделась от удовольствия.

– Это племянник моего Отто, – пояснила она. – Муж очень благоволил к нему. Своих детей у нас, к сожалению, нет, Герхард заменил нам сына.

– В свою очередь хочу сказать, что мой дядюшка был для меня настоящим отцом и примером во всем. Он устроил меня в гвардию, ему я обязан карьерой. Надеюсь, что дяде сейчас хорошо там, на небесах.

– Ах, Герхард, бросьте. Вы бы стали блестящим офицером и без протекции моего мужа, – немного кокетливо произнесла баронесса. – Любой полк с удовольствием записал бы вас в свои ряды.

Любой, но только не гвардейский. Чтобы попасть в один из трех полков королевской конной гвардии, кроме высокого происхождения необходимо иметь влиятельного покровителя. Дворян много, а количество мест в гвардии ограничено – всего три тысячи, по одной на каждый полк. К тому же гвардия редко несет потери на поле боя, так что вакансии приходится ждать годами. Я уже не говорю об офицерских должностях. Для того чтобы Герхард получил патент лейтенанта, дяде наверняка пришлось дернуть много ниточек.

Я упустил момент, когда племянник неожиданно начал проявлять возмущение. У офицера были холеные и тонкие черты лица, такие обычно называют аристократическими, но сейчас они исказились от гнева. Молодой человек клокотал, словно извергающийся вулкан.

– Тетушка, послушайте, – с какой-то ожесточенной яростью произнес он. – Меня после похорон вызвал полковник и сказал, что, поскольку у дядюшки не осталось других наследников мужского пола, я буду вынужден оставить службу и стать штатской штафиркой. Видите ли, законы королевства обязывают меня принять наследственную должность дяди, светлая ему память.

– Не волнуйтесь, мой мальчик, – с нежностью произнесла баронесса, пытаясь утихомирить бушевавшее пламя. – Это ни капельки не обременительно. Вы станете помощником Казначея, только и всего. У вас не будет никаких обязательств, мой Отто за всю свою службу на этой должности и пальцем о палец не ударил. Зато будут платить жалованье, по сравнению с которым ваша лейтенантская получка курам на смех.

– Тетушка, ну как вы не понимаете?! – взмолился офицер. – Я всю жизнь мечтал о военной карьере, с детства грезил о том, как стану офицером. Благодаря дядюшке моя мечта исполнилась – я шагнул на первую ступеньку и стал лейтенантом. Более того, начальство отметило мое старание, и до меня уже дошли слухи о том, что готовятся документы на представление к чину капитана, как вдруг из-за нечаянной смерти дядюшки я узнаю: придется оставить полк и превратиться в посмешище для друзей. Даже не знаю, как показаться им на глаза – засмеют.

Баронесса улыbnулась.

– Какой же вы еще, в сущности, ребенок. Пройдет пара лет, и вы поймете, как вам повезло. Отто был бы только рад, узнав, что любимый племянник продолжил его дело. Примите новое назначение как подарок судьбы. Вы будете богаты, мой мальчик, очень богаты.

Я пришел к выводу, что являюсь третьим лишним (не поймите превратно), и поспешил оставить баронессу разбираться с несмышленным племянником. На его месте я бы сразу плюнул и на сапоги со шпорами, и на скрипучее седло. Правда, о такой должности, как помощник Казначей, мне ничего не было известно, но думаю, что тетушка не врала племяннику, обещая большие деньги и необременительные обязанности.

Усатый привратник закрыл ворота, я вновь оказался на улице, предоставленный самому себе. Путь лежал обратно в офис. Алур обещал зайти вечером. Надеюсь, старый пьяница сдержит слово.

Глава 4

В которой рассказывается о походе в усыпальницу барона

Первым делом я, как только оказался в конторе, вколотил в стену гвоздик, на который повесил подарок Гвенни – злополучный «Зеленый квадрат». Затем отошел и полюбовался плодами трудов. Честно говоря, так и не понял, что хорошего нашел приятель в этой зеленой мазне, однако решил – пусть повисит, свободного места на стене хватает. Ковер снимать не стал: зря тратился, что ли?

Уже вечерело. Я зажег канделябр и стал ждать Алура, коротая время любимым способом – размышляя и анализируя имеющиеся факты. Последних пока кот наплакал, к тому же смущало то, что уж больно быстро я находил ответы на вопросы. «Чудес на свете не бывает», – говорил мой ротный, и жизнь не раз подтверждала правоту его слов.

Есть еще один момент, вызывавший тревогу. Вчера Лиринна лихо отделала ребят, присланных Мясником. Вряд ли он позволит, чтобы это сошло с рук. Что делать – бежать? А смысл? Если Мясник захочет, достанет даже из-под земли. Пойти покаяться – поплакаться Мяснику в жилетку, чтобы простил? Во-первых, не знаю, где его искать, во-вторых, боюсь, что потом не смогу себя уважать; вряд ли жизнь без самоуважения доставит удовольствие. Тогда я решил поступить самым простым способом – положился на авось, то есть махнул рукой и сказал: «Будь что будет!» Интуиция подсказала: как-нибудь выкручусь из передрыги, да и Лиринну вытащу. Были в жизни ситуации, когда я висел буквально на волоске от смерти, запи-сывал себя в покойники или думал, что не выкарабкаюсь, но в итоге все обошлось! Пусть даже ценой невероятных усилий: ведрами пота, крови и испорченными нервами – я не сдавался, шел прямо к поставленной цели и... побеждал. Повезло тогда – повезет теперь! От судьбы не уйдешь. Кому суждено быть повешенным, не утонет.

Я бросил взгляд на часы, что-то мой друг волшебник задерживается. Еще немного, и буду ложиться спать.

Алур не обманул, действительно заглянул, и довольно рано. Разумеется, не удосужился переодеться, впрочем, это я на него наговариваю, хорошо известно, что балахон из мешковины является его единственным предметом гардероба. Обычно привратники не пускают голодранцев, но Алур умеет быть очень убедительным; не знаю, что он наплел, но в итоге передо мной стоял плохо одетый, зато бодрый и... трезвый как стеклышко человек. Я глазам своим не поверил!

Он прошел в кабинет и тут же замер, уставившись на подарок Гвенни.

– Хм... Гэб, колись, откуда у тебя это чудо? – прошамкал старик.

Гэб?! Это можно было списать на то, что Алур выглядел таким ошарашенным, словно в него попала молния, но я решил отплатить ему той же монетой. Гэб! – бр-р-р. Меня так еще никогда не называли.

– Да брось, Ал! – я с удовлетворением отметил, как маг поморщился, услышав из моих уст столь же фамильярное обращение. Впредь будет наука: незачем коверкать имя, которым я втайне гордился. – Эту тряпку подарил Гвенни. У него довольно своеобразный вкус. Не знаю, чем Гвенни приглянулась эта мазня, но в итоге он решил сплавить ее мне – видимо, не хотел, чтобы она мозолила ему глаза.

Маг с усмешкой взглянул на меня и, качая головой, произнес:

– Я бы не смеялся над твоим другом, Гэбрил. Мне приходилось бывать проездом в одном из параллельных миров, так там автора этого творения очень ценят. Написанный им «Черный

квадрат» стоит миллионы! Уверен, что и у нас зеленый собрат шедевра в скорости получит грандиозное признание.

– С чего бы?

– Обрати внимание на то, что фоном композиции является некая белая среда – ее глубина, ее емкость неуловимы, неопределимы, но явственны. Повешенная же плоскость живописного цвета на простыне белого холста дает непосредственно нашему сознанию сильное ощущение пространства.

И этот туда же! Я пропустил его слова мимо ушей, хотя, признаюсь, упоминание о параллельных мирах навело на размышления. Пока старик разглагольствовал, словно заправский искусствовед, вспомнилось, как мы с женой ругались из-за моего пристрастия к фантастике. Она считала, что увлечение подобной литературой является средством ухода от окружающей действительности, я вяло отпирался, пытаюсь доказать обратное.

Параллельные миры? Интересная штука. Мне довелось прочитать немало книжек, авторы которых описывали ситуации, когда герои оказывались в неких мирах, в чем-то похожих на наш, а в чем-то диаметрально противоположных. Среди поклонников литературы подобного рода были почти все мои товарищи по отряду телохранителей герцога Монтойского. Мы называли такие книги емким термином «наш человек там» и обменивались напропалую. Однако при всем интересе относились к ним как к самой обычной фантастике, пусть даже не лишенной занимательности.

Теперь старик волшебник рассказывает какой-то бред – что ему удавалось перемещаться из нашего мира в другие. В принципе, учитывая количество спиртного, которое он употребил за последние сто лет, ему должны мерещиться вещи и покруче.

Но сейчас не до того, нужно обсудить сложившуюся ситуацию. Я усадил Алура и поведал о разговоре с баронессой. Старик, поглаживая всклокоченную бороду, погрузился в раздумья. Я не стал мешать и тихонечко вышел в ванную комнату: чтобы умыться и привести себя в порядок. Вернувшись, застал мага в той же позе, что и десять минут назад – таким же задумчивым и отсутствующим. Немного постоял над ним, и уже было начал волноваться, а не заснул ли мой друг, как Алур оживился и произнес:

– Для точного определения причины смерти нужно что-то от тела барона. Клок волос, кусочек кожи или обломок ногтя, а еще лучше все вместе. Причем стоит поспешить – еще день-два и я уже ничем не смогу помочь.

Я брезгливо поморщился, но это чувство быстро прошло – стоило вспомнить, что достать любое из вышеперечисленного будет проблематично. Баронесса – не помощник, придется идти на риск. Я погрузился в обдумывание плана проникновения в фамильную усыпальницу барона, а Алур с нездоровым интересом начал исследовать картину с зеленым квадратом. Он смотрел на нее с разных сторон и так, и эдак, ковырял ногтем краешек полотна, в какой то миг показалось, что маг нюхает лак, которым была покрыта картина! Довольно интересный подход к живописи. Наблюдая за странной активностью старика, я совершенно не мог сосредоточиться. В конце концов, раз старику понадобилось потрошить труп, пусть идет со мной.

– Алур, отстань от несчастного квадрата. Можешь меня не благодарить, мы с тобой отправляемся на дело – навестим недавно умершего.

– А я-то зачем?

– Для страховки – вдруг ногти не так отрежу или волосы неправильно отстригу. Я такими вещами сроду не занимался и второй раз к покойнику не пойду. Бросай любоваться на этот дурацкий «квадрат», скоро дырку глазами просверлишь.

Оторвавшись от картины, маг довольно покачал головой и пробормотал себе под нос, что теперь-то знает, как этот художник странствует между мирами.

– Знаешь, Гэбрил, когда-то нам очень пригодились знания по перемещениям в иные миры. С ними люди победили злейших врагов.

– О чем ты?

– Да так, Гэбрил. Не бери в голову. Это было очень давно.

Я подошел к картине, зачем-то поскреб ее пальцем (вот зараза!), непонимающе пожал плечами и вернулся за стол.

Поместье фон Боммов представляло собой крепкий орешек для неожиданных гостей, решивших посетить его без ведома хозяев. Я накидал приблизительную схему по памяти, получилось довольно грубо и условно, слишком много белых пятен. Да и не было никакой информации об охране, наличии собак, месторасположении комнат, о возможных магических ловушках.

Многие дворянские дома передают по наследству всевозможные артефакты, доставшиеся от предков, живших в те времена, когда маги за деньги накладывали охранительные заклинания на замки, запоры и двери. Хотя постойте, что-то я разошелся, нам нужна всего лишь родовая усыпальница, а не главное здание поместья. Усыпальница, по словам баронессы, расположена позади дома, где-то в конце сада. Поразмыслив над этим, я поднялся и начал собирать необходимую экипировку.

Отмычки, миниатюрная фомка, веревка с кошкой, небольшой масляный фонарик и комплект, состоящий из черной куртки, плаща с капюшоном и перчаток. Думаю, это все, что необходимо для проникновения в усыпальницу.

Маг с удивлением смотрел на сборы. Его несказанно мучил вопрос: откуда у меня взялся арсенал, уместный скорее для грабителя, чем для частного сыщика. Ответ простой: часть коллекции осталась с тех времен, когда я сбежал из сиротского приюта, после чего четыре года провел на улице, превратившись в мелкого воришку. «Добрые» дяди из гильдии воров научили обращаться с отмычками и орудовать фомкой. Кто знает, чем бы все закончилось, но однажды я попался. Полицейские застали меня прямо на месте преступления с фомкой в одной руке и дужкой замка в другой. Дружки, позабыв о воровской солидарности, сбежали, не предупредив об облаве.

В то беспокойное время королевство воевало и остро нуждалось в пушечном мясе, поэтому по приговору суда каторжные работы заменялись службой в армии. Несколько лет я служил в пехоте, потом меня зачислили в штат полка Диких Псов, который занимался разведкой и диверсиями в тылу врага. Там за мое обучение взялись сержанты-инструктора, тертые калачи и мастера своего дела. Не скажу, что добился больших высот, но приобретенных навыков вполне бы хватило, чтобы сделать хорошую карьеру в гильдии воров. Фонарик и спецкомплект оставил на память, когда после войны полк расформировали, а солдат отправили в запас.

Выругавшись, хлопнул себя по лбу: чуть не забыл перочинный нож, чем буду отрезать необходимые компоненты, не зубами же обгрызать у покойника ногти?.. Хорошо хоть вспомнил вовремя! Нож благополучно переключивал за отворот сапога. Взглянув на часы, опустился на раскладушку (времени до наступления темноты было в избытке) и предложил магу:

– Поспим чуток: нужно быть сумасшедшим, чтобы лезть в баронское поместье раньше полуночи. Подождем, пока все спать лягут, и нагрянем.

Маг осмотрелся по сторонам.

– Но у тебя только одна раскладушка. Где я буду спать?

Поворчав для виду, я уступил старику спальное место и вновь взгромоздился на стол. Еще немного, и на вопрос о том, какое у меня постельное белье, я буду отвечать: «А что это такое?»

Я накрылся курткой, ноги все еще гудели от сегодняшних походов по городу, и моментально заснул. Проснулся оттого, что в окно барабанил проливной дождь, за стеклом царила абсолютная темнота, лишь редкие уличные фонари освещали мостовую. Дождь был весьма некстати – на размокшей почве следы от ног видны, как чернила на бумаге. Я растормошил сонного мага и, проклиная все на свете, начал собираться. Распихав инвентарь по многочис-

ленным карманам любимой черной куртки, я в сопровождении мага покинул такую уютную на фоне творящегося за окнами погодного безобразия контору.

Нам повезло: случайный кэб, возвращавшийся от клиента, среагировал на поднятую руку и остановился. Цену кэбмен задрал несусветную, но, раз баронесса обещала оплатить все расходы, я согласился. Мы с удовольствием разместились на кожаном сиденье.

Я назвал адрес, кэбмен понимающе кивнул и дернул за поводья. Кэб мягко тронулся с места и постепенно стал набирать скорость. Легкое мерное покачивание действовало расслабляюще, я снова прикрыл глаза, но спать не стал, зато Алур вовсю посвистывал носом. Мы ехали к дому, который располагался неподалеку от поместья фон Боммов, я тем временем погрузился в размышления, и вовсе не о предстоящем деле.

На какой-то миг окружающий мир перестал меня интересовать. Кэб стучал колесами по мостовой, маг дремал, сложив руки на животе, а я думал о своем доме. У каждого человека должен быть дом, в который он стремится попасть после работы, чтобы отдохнуть от забот, сбросить накопившийся за день груз проблем. Но почему я так мало бываю в нем, вот уже почти целую неделю практически живу в конторе и даже не помышляю о ночевке в родных стенах? Тяжело приходиться в дом, где тебя никто не ждет, где холодные стены, давно не топленный очаг, на кухне, наверное, уже повесилась последняя мышь. Я невесело улыбнулся.

На улице все так же лил дождь; он очень гармонировал с моим настроением – так пасмурно на душе давно не было. Все, решено: после этого явно пустякового дела уеду отдыхать куда-нибудь на юг, где много солнца и красотки ходят в одних бикини (эта новомодная модель купальников произвела настоящий фурор прошлым летом на всем южном побережье королевства). Мысль о бикини повысила настроение, я даже не заметил, как кэб остановился.

Расплатившись с кучером, вышли. Я, накинув капюшон, направился к поместью покойного барона, маг плелся следом. Он сразу же промок до нитки, но не жаловался и держался молодцом. Честно говоря, чем больше я вглядывался, тем сильнее поражался произошедшим разительным переменам. По сути дела, это был совсем другой человек, не жалкий пьяница, а пожилой мужчина, умудренный опытом и не лишенный определенного обаяния. Неужели на него подействовали мои слова? Или ему надоело постепенно терять нормальный облик и требовался лишь маленький толчок со стороны? Кто знает...

До меня вдруг дошло, что непогода при всех недостатках нам на руку: не будет ненужных свидетелей незаконного проникновения – нормальные люди в такой дождь сидят по домам и не спешат осчастливить своим появлением открытую местность. Что касается следов, если все пройдет как надо, на них не обратят внимания. Лишь бы не застукали на территории поместья. Представляю, как обрадуется лейтенант Морс, если меня смогут обвинить в незаконном вторжении.

Проходя вдоль высокой, увитой плющом стены поместья, воровато оглянулся. Улица была пуста. Быстро размотав веревку на конце, которой была закреплена кошка, швырнул ее вверх. Кошка, тихо звякнув, намертво зацепилась за край стены.

– Я полезу первым, потом твоя очередь, – сказал я старику.

Он удивился:

– Ты что, Сухарь, с ума сошел? В моем возрасте ползать по стенам – это же форменное самоубийство.

– Не бойся, я помогу, – поспешил я заверить старика, но он не очень-то и поверил.

Я мгновенно вскарабкался по веревке, пригодилась выучка Диких Псов, и, восседая на вершине, прошептал:

– Поднимайся. Хватайся за веревку и лезь.

Волшебник поплевал на ладони и взялся за веревку. Пришлось изрядно попотеть, чтобы втащить его на стену, а волшебник чуть ли не до крови ободрал руки, но все же препятствие было преодолено.

– Слушай, Гэбрил, – сказал маг, приходя в себя. – Как хочешь, но обратно я пойду через ворота.

Услышав эти слова, я лишь хмыкнул, затем неслышно скользнул вниз и замер уже по ту сторону стены. Вокруг был сад, аккуратные кустики, яблоневые деревья, кипарисы и даже папоротник – такого нелепого сочетания растений мне встречать еще не удавалось. Крупные капли дождя сыпались с яблонь, норовя забраться за шиворот, несмотря на то что я был укутан в плащ с капюшоном. Вроде никого.

Посмотрел наверх и увидел бледного от страха Алура, который сидел на верхушке стены, как курица на насесте, и судорожно цеплялся за каменные выступы. Неужели у старика боязнь высоты?

– Прыгай! – скомандовал я, выпрямляя руки. – Я подхватчу.

Алур закрыл глаза, отцепился от стены и, вместо того чтобы прыгнуть рядом, взял и свалился на меня, как куль с овсом. Я едва успел отскочить, и старик просвистел мимо, словно пушечное ядро, – хорошо хоть шею мне не сломал.

– Ты что делаешь? – возмутился я, когда Алур поднялся и начал приводить себя в порядок. – Смерти моей захотел? Ты же мог из меня лепешку сделать!

Маг что-то пробурчал в оправдание. Я посчитал инцидент исчерпанным и, соблюдая предельную осторожность, неслышно двинулся в глубь сада, ища дорожку, ведущую к усыпальнице, о которой упомянула баронесса. Ага, вот она. Дорожка была присыпана песком и вела в конец сада, где виднелась мрачная приземистая постройка, будто вытесанная из единого монолитного камня. Дверь в усыпальницу массивная, сделанная из мореного дуба, такую и тараном не вышибить. Я с жалостью посмотрел на фомку, она явно не пригодится. Волшебник подошел и встал возле двери, оглядел ее и присвистнул.

– Алур, посмотри, есть ли охранные заклятия?

Техника безопасности прежде всего! Кому охота быть испепеленным на месте?

Волшебник провел вдоль замка ладошкой, мыча под нос какие-то на первый взгляд бессмысленные фразы, потом обернулся:

– Чисто!

– Надеюсь, ты ничего не перепутал. Учти, в моем завещании о тебе нет ни слова.

Достав отмычки, я припал ухом к двери и принялся подбирать необходимые комбинации. Щелчок, еще щелчок, дело сделано, замок открылся. Я довольно потянул дверь. В этот момент сзади послышалось глухое рычание. Мама дорогая! Я замер, сглотнув слюну, медленно повернул голову. На меня смотрела пара холодных, немигающих глаз королевской сторожевой. Верхняя губа собаки презрительно приподнялась, показывая клыки длиной с мою ладонь, из глотки пса опять послышался угрожающий, леденящий душу рык.

– Ша-ша-рик, – заикаясь от страха, произнес бледный, как полотно, маг.

Почему-то эти слова подействовали на псину, как красная тряпка на быка. Возможно, мы нарвались не на Шарика, а на Жучку, в таком случае маг невольно нанес собаке смертельное оскорбление, которое смывается только кровью.

Лязгнули железные челюсти. Недолго думая, я впрыгнул в проем усыпальницы, рывком затащил Алура и со всей дури захлопнул дверь. Замерев, утер со лба холодный пот, прильнул ухом к двери и услышал яростный вой, сопровождаемый угрожающим скребками стальных когтей по двери. Дорога назад отрезана.

– Вот влипли! – пробормотал я под нос.

Включив небольшой фонарик, начал спускаться, Алур старался не отставать. Лестница старая, как и все в этой постройке, ступени уже порядком истерлись, я пару раз едва не оступился, а каково было старику! Только чудом он не сверзился вниз и не расквасил себе нос.

К счастью, лестница быстро кончилась и привела нас в круглый, довольно просторный зал, обычно освещаемый факелами, но сейчас они не горели, поэтому было темно как у... ну,

в общем, вы меня поняли. Здесь пригодился мой фонарик. Его тонкий луч разрезал темноту, и я стал осматриваться вокруг.

В закопченных стенах были выдолблены ниши, в которых покоились саркофаги с останками предков барона Отто фон Бомма, собственно говоря, где-то тут должен лежать и он.

Золотые таблички с именами и годами жизни покойников тускло поблескивали в свете фонаря. А вот и Отто, саркофаг открыт, крышка отставлена в сторону. Это значительно упрощает дело, иначе я мог застрять здесь надолго, вдвоем мы вряд ли смогли бы сдвинуть ее с места. И тут же горько усмехнулся, вспомнив, что наверху ждет теплый прием в виде взбешенной королевской сторожевой. Уж лучше бы крышка была закрыта, а эта милая собачка спала у себя в конуре, подумал я.

– Ну что, резать?

– Давай, – согласился маг.

Не скажу, что до смерти боюсь покойников, за время службы в армии много чего насмотрелся, но война – это война, ко всему привыкаешь, а тут, в усыпальнице, стало не по себе.

Мертвец выглядел как живой, его, очевидно, перед тем как занести в склеп, подгримировали и облачили в парадный мундир с огромной орденской лентой поперек груди. Было такое чувство, что в любой момент он встанет и схватит за руку. Труп уже начинал разлагаться, но его запах терялся посреди невероятной вони, исходившей от других покойников.

Я зажал прядь седых волос в левом кулаке, отвернулся и полоснул ножом, стараясь покончить одним движением. Положил отрезанные волосы в специальный мешочек.

– Еще ногти, – напомнил маг, с интересом озиравший стены усыпальницы.

– Помню.

Набрав в легкие как можно больше воздуха, стал аккуратно отпиливать ухоженные ногти покойника.

– Хватит?

Маг посмотрел на улов и утвердительно кивнул, потом словно спохватился:

– У тебя есть чистая тряпочка?

– Угу, – сказал я. – Носовой платок, совсем свежий, я его недавно выстирал.

– Дай мне.

Ничего не подозревая, я вытащил из кармана и отдал Алуру дорогой шелковый платок.

– То, что надо, – одобрил маг, скрутил платок в тонкую трубочку, которую зачем-то сунул прямо в нос покойнику.

Меня чуть было не вывернуло наизнанку.

– Это еще зачем?

– Надо, – коротко ответил Алур и протянул мне платок.

Я взял его кончиками пальцев и отправил к волосам и ногтям покойного.

Пришло время узнать, как поживает моя собачка. Мы поднялись по лестнице к двери в усыпальницу, я вновь припал к ней и стал подсматривать в замочную скважину. За дверью слышались человеческие голоса.

– Трум, что-то совсем твоя собачонка из ума выжила, смотри, как на дверь усыпальницы бросается!

– Да, странно все это, Фред. Надеюсь, что никому не пришло в голову вылезать оттуда обратно. Я ведь жуть как покойников боюсь.

По недовольному урчанию собаки я понял, что один из охранников взял пса за ошейник и потащил к конуре.

– Ты знаешь, Фред, я слышал, будто хозяин наш не своей смертью умер... А покойники, умершие не своей смертью, иногда встают из могил, – страшным шепотом проговорил тот, кого звали Трум.

Я представил, как Фред еще раз оглянулся на склеп и сглотнул, затем с удвоенной силой потащил упирающуюся сторожевую в конуру, чтобы посадить на цепь.

Все стихло. Вроде пронесло, можно выходить. И тут что-то холодное, словно лед, опустилось на плечо. Я в который раз за этот вечер замер, сердце застучало так, что в ушах загремели маленькие тамтамы. Скосил глаза и обмер: на плече покоилась прозрачная, точнее, даже призрачная рука, светящаяся в темноте как статуэтка, покрытая фосфоресцирующим слоем. И тогда я закричал во всю мощь своих легких с такой силой, что колыхающегося в неведомых мне потоках духа-призрака барона Отто фон Бомма (это был он) отбросило на два шага. Одновременно с моим воплем маг хлопнулся в обморок, двое охранников подскочили на месте, как ужаленные, а собака дико завyla и стала яростно бросаться к двери, ведущей в усыпальницу.

– Что случилось? Кто там кричит?! – заорал Трум, размахивая перед собой здоровенной колотушкой. – Выходи, гад!

Чувствовалось, что он порядком струхнул. Что творилось с Фредом, сказать сложно. Надеюсь, что он не умер от разрыва сердца.

Вопль слышали, наверное, по всей округе. Спустя каких-то несколько секунд людей перед усыпальницей собралось больше, чем в модном магазине перед распродажей. Не ожидал, что усадьба барона столь густо населена. Любопытный народ мчался на мой дикий крик, как на представление, и до сих пор валил со всех сторон. Тут были повара с поварешками, садовники с вилами, дворники с метлами, кучера и много прочих субъектов, неизвестно чем занимающихся.

Они переговаривались между собой, но лезть в усыпальницу опасались. Ситуация могла измениться в любую секунду, как только появится человек, способный повести за собой. И конечно же, такой человек объявился. Им оказался тот самый офицер-кавалерист, которого я видел во время последнего легального визита к баронессе.

Герхард фон Бомм предусмотрительно захватил с собой кавалерийский палаш и собрался возглавить вылазку в усыпальницу.

Я давно не оказывался в столь безнадежной ситуации. За стенами склепа ждала взбурдаженная толпа, которая вмиг поднимет на вилы, не разбираясь, что к чему, а внутри усыпальницы плавал призрак покойного барона с недоброй усмешкой на лице и неизвестными намерениями. Неужели я обидел его маленькими гигиеническими процедурами? Как же иначе назвать небольшую стрижку волос, маникюр и даже, простите, утирание соплей, ради которого пришлось проститься с собственноручно выстиранным носовым платком?

Я развернулся и выставил перочинный нож. Другого оружия у меня не было. Боятся призраки холодного оружия или не боятся, кто ж его знает? Единственный авторитетный специалист, который гипотетически должен знать ответ на данный вопрос, – это Алур, но он валяется в обмороке и, похоже, не собирается из него выходить. Может, поговорить с призраком? Но он меня опередил.

Привидение открыло рот и как-то умоляюще произнесло:

– Найди их!

– Кого? – рефлексивно спросил я.

– Тех, кто меня убил.

Я сразу воспрянул духом. Призрак не сомневается в том, что ему помогли уйти на тот свет, и хочет, чтобы я нашел убийц. В таком случае он не заинтересован в моей смерти, и значит, с его стороны мне ничто не угрожает. Отлично!

– Слушай, Отто – я могу тебя так называть?

Призрак кивнул.

– Поступим следующим образом: сейчас ты поможешь мне, а потом я помогу тебе. Договорились?

– Договорились, – согласился призрак. – Что ты от меня хочешь?

– У входа собралось много людей. Я бы сказал, слишком много... Мне бы не хотелось, чтобы они полезли сюда и наткнулись на нас. Кстати, познакомься – старик, который валяется без памяти, не кто иной, как могущественный маг Алур Краснощекий!

– Он твой друг?

– Да. Ты поможешь?

– Дай три минуты, и скоро на километр вокруг склепа не будет ни одной живой души.

– Э нет, так дело не пойдет, – протянул я. – Ты, что, убивать собрался?

– Конечно, нет, – обиделся призрак. – Просто шугану маленько, и дело с концом.

Забавно услышать жаргонное словечко «шугану» в устах пусть и призрака, но все же аристократа.

– Ну, тогда лети, шугай! Я тебя тут подожду, старика в порядок приведу.

– Не скучай, я скоро!

Призрак прошел сквозь стену и материализовался перед толпой зевак. Я прильнул к замочной скважине. Представление началось.

Люди, обступившие усыпальницу, дружно ахнули и отступили назад, но врассыпную не бросились. Что-то их удерживало. Призрак, как заправский артист, выдержал небольшую паузу и громогласно объявил:

– Ну что, не ожидали?

– Ой, мамочки, это же барон! – взвизгнула какая-то молодка в фартуке горничной.

– Точно, барон покойный! Держите меня семеро! – воскликнула толстая-претолстая тетка в поварском колпаке и тут же рухнула без памяти, погребя под необъятным телом трех поварят.

Остальные зеваки оказались не столь слабонервными и устояли, тогда призрак пустил в ход «тяжелую артиллерию» – сделал пальцами правой руки «козу»:

– Бу-у-у!

Этого народ уже не выдержал, спустя долю секунды пространство вокруг усыпальницы было девственно чистым, лишь где-то вддали, в лучах лунного света, сверкали чьи-то пятки. Призрак победно оглядел очищенную территорию и вернулся.

– Как я их? – поинтересовался он, явно напрашиваясь на комплимент.

Я поднял большой палец кверху.

– Бесподобно! Думаю, что ваше эффектное появление запомнится им надолго. Поздравляю, так рождаются легенды.

Барон расплылся от удовольствия, причем как в прямом, так и переносном смысле. По нему пробежали белые полосы, прозрачная фигура заколыхалась, как флаг на ветру, на миг пропорции призрачного тела исказились и приобрели очень причудливый вид: голова стала чем-то напоминать башку рыбы-молота, живот – аптекарскую колбу, а конечности превратились в паучьи лапки.

– Йо-хо-хо! – засмеялся покойник. – А мне это нравится. Давно я не испытывал такого удовольствия. Может, вломимся к соседям и повторим по новой?

– Не надо, не надо, – поспешно заверил я. – Слишком часто пугать людей не стоит, пропадет эффект новизны, и развлечение потеряет всякий смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.